

Сергей
Камов

АРМЕЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Часть третья
ПОСЛЕ ГОДА СЛУЖБЫ (ЗАКУПИ, ПП 61026)

ЛЕЙТЕНАНТ ЛИМАНОВ. ЗАПАСНОЙ РАЙОН

Он был среднего роста, спортивного сложения, густой русый волос зачёсан назад. Этот симпатичный сероглазый офицер был старше нас года на три. Форма на нем сидела идеально – все подогнано по фигуре. Видна аккуратность во всем – будь то причёска или до блеска начищенные сапоги. Чувствовался характер и желание служить. После старлея Собины, от которого нам было ни жарко, ни холодно, мы сразу потянулись к этому молодому лейтенанту. И это, как показало время, был действительно достойный офицер. Комбат Селиванов сразу же дал понять новенькому, что ему придётся на первых порах «полетать», чтобы заслужить хорошее к нему отношение, и посылал его во всевозможные наряды. Он «ломал» непокорного лейтенанта, требовал от него угодничества, но тот выдерживал характер и вскоре стал давать отпор своему начальнику, требования которого выходили за рамки служебных отношений. Это была тоже своего рода «дедовщина», только среди офицеров. Мы не могли не видеть того, что наш взводный «живёт» в нарядах. Но это всё он переносил достойно, что поднимало его в наших глазах. «Наш мужик! Кремнёвый парень!» – думали мы о Лиманове. Мы ведь знали, почём селивановское «добро», на своей шкуре испытали его «заступничество» за молодых. Теперь мы уже оперились, и с нами, хочешь ты или не хочешь, а комбату придётся считаться. Так что Лиманов, с его характером и неуёмной тягой к справедливости, появился в подразделении вовремя. Мы его приняли с открытой душой. Нам самим хотелось хоть что-то поменять в подразделении.

Недавно созданный зенитный дивизион жил своей полнокровной жизнью. В казарме стало много народу. Постепенно две половины разных подразделений срастались в одно целое. На зарядку теперь мы выбегали густой толпой. Чуть ли не в первое утро мне пришлось показать характер. Мы, как обычно, делали пробежку через Закупи. Большую группу молодых вели два «кандидата» –

4

я и Ваня Калапунь. С Иваном мы так и не стали друзьями, несли свою службу, не мешая друг другу. Но в этот раз он здорово меня выручил. Мы бежали по асфальтированной дороге в густом сосновом бору. Ваня – впереди, а я замыкал группу. Огромный москвич Акула заметно начинал отставать и злобно поглядывал в мою сторону. Мои мелкорослые земляки из Киргизии, семена ногами, упорно держались заданного темпа. Вскоре Акула остановился совсем и заявил, что он не может бежать. Я ему пояснил азы армейской службы, что в армии нет слова «не могу» или «не хочу». И тут эта гора двинулась на меня. Все произошло мгновенно и неожиданно для меня самого. Я вовремя заметил, как огромный кулачина наотмашь летит мне в лицо. Спасла реакция. Я пригнулся. Кулак пролетел над головой. Акула, теряя равновесие, повалился в мою сторону. Все остальное было делом техники. Одного удара хватило, чтобы завалить эту махину на землю. Он сидел на асфальте и утирал слезу. В том, что произошло, моей вины не было – я вынужден был защищаться. Он первый начал и получил по делу. Ваня Калапунь, оказавшийся рядом, приказал Акуле встать и бежать вместе со всеми. Мало того, что этот верзила не был бойцом, он ещё и пожаловался своим землякам. Только мы прибежали в казарму, ко мне подошли три деда-москвича из второй батареи, чтобы разобраться. Это были крепкие ребята – Жора Васильев, Саня Чернышёв – они тоже были механиками-водителями на БМП-2. Третьего звали Игорем Игнатенко.

– Ты зачем Акулу обидел?

– А он не сказал почему?

– Сказал, что не смог бежать!

– А почему мои земляки могут бежать, а ваши не могут?!

– Так у него же недавно операция была...

– Не знал. Ну, я же не рентген-аппарат, чтобы видеть насквозь, у кого что болит! Почему он вообще пошёл на зарядку? Раз он больной, значит, пусть сидит в казарме, туалет убирает. Согласны со мной?

– Так-то да...

– Тогда почему ваши «слоны» на «кандидатов» кидаются? После этого он ещё и жалуется!

Москвичи развернулись и ушли. Больше у нас за всю службу не было ни одного столкновения.

Среди офицеров тоже шли свои «притирки». Комбат Селиванов проверял на прочность лейтенанта Лиманова. Капитан Чижевский, зампотех дивизиона, недавно пришедший из Афгана, вскоре получил звание майора и важно ходил по подразделению, свысока взирая на окружающих. Голос у него был сиплый и совсем негромкий. Ему требовались усилия, чтобы громко что-то сказать, и потому он был предельно краток. Другой афганец, замполит дивизиона, старший лейтенант Сафонов, попал к нам сразу после Кандагара, где ему досталось горького до слёз в пехоте. Он заметно посмеивался над Чижевским, говоря, что тот толком-то и «духов» не видел – «отсиделся в кабульской крепости в артдивизионе и пороху не нюхал даже». Был Сафонов худым и высоким. Иногда казалось, что он словно в подпитии, но мы понимали, что это он еще от войны не отошёл. Был он, как позже выяснилось, родом из Павлодара. Но до того как мы по-землячески с ним сошлись, он успел «наградить» меня тремя сутками ареста. На этом я остановлюсь подробнее.

Было это обычное осеннее утро. Нас подняли по тревоге. Все офицеры находились уже в казарме. Нас построили в коридоре. Мелкорослый зампотех нашей батареи старший лейтенант Самойлов «наводил шмон» в казарме и обнаружил мои портянки, что «сушились» под матрасом на панцирной сетке моей койки. Сапоги я надел на голые ноги. Тут наш зампотех прочел лекцию о натертых до мозолей ногам. Мне приписали и «членовредительство», и прочие солдатские грехи. Я сквозь зубы процедил в ответ зампотеху, что я вырос в деревне и всё детство пробегал босиком, и что с моими ногами ничего не случится. Долго мы ненавистно смотрели в глаза друг другу, пока командир дивизиона не заметил в мою сторону:

– Да он смолоду ершистый был, а теперь – кандидат-на, тем более!

Не было в это утро зарядки. Нас повели на ранний завтрак, после чего мы получили в оружейной комнате свои автоматы, надели вещмешки и отправились в запасной район. Больше двадцати километров пешим ходом в одну сторону. Портянки, аккуратно свернув, я закинул в вещмешок и шёл, надев сапоги на босу ногу. Это для меня было дело принципа. Растянувшись походной колонной по три человека, мы вышли в путь. Стоял замечательный солнечный день. Шли через Закупи по асфальту. Это вам не по щиколотку в грязи идти по Отарским сопкам! Одно удовольствие – идти по чистой твердой дороге и слышать, как твой шаг, сливаясь с шагами всей батареи, эхом отскакивает от стен домов и пугает брехливых дворовых собак. Серёга Кожемяко зря время не терял, считал количество легковых машин, стоящих в каждом дворе у чехов.

– Смотри, в этом дворе аж четыре «Шкоды» стоят! Жируют «камрады»! Вон три штуки во дворе. Где по две. У нас в Союзе пока на одну зарабатываешь, пуп развяжется, а тут!

– Кожа, не всё машинами измеряется... По-капиталистически мыслишь, дружище, хотя ты во многом прав! – высказался по этому поводу Аристотель.

Запасным районом оказалось местечко на краю молодого соснового бора. Там находилось несколько ям, вырытых под «Шилки». Просматривался хороший сектор стрельбы. Прежде чем мы осмотрелись на местности, нам дали немного времени «оправиться, перемотать портянки на ногах». Кожа лежал на ещё зеленой траве, влажные портянки, выброшенные поверх снятых сапог, трепал легкий ветерок. Он шевелил пальцами на ногах и вслух размышлял:

– Вот, балдеем тут, холода ещё нет. А у нас дома уже небось снежок присыпал.

– Не знаю, как у вас, а у нас, на Алтае, уже точно был, – заметил я.

– Одну зиму мы уже провели в армии. Эта будет вторая и последняя. Следующую встретим дома уже! Понимаешь, Артём, дома! – мечтал Кожа.

– Понимаю! Только надо ещё эту перезимовать.

– У вас в Казахстане степь да верблюды, наверно!

– Дура ты, и не лечишься. У нас, в Восточном Казахстане, тайга, горы, альпийские луга, горные озёра – Швейцария отдыхает! А ты – верблюды... Я их отродясь не видел. А про Бухтарму ты слышал хоть раз?

– Что за Бухтарма?

– Бухтарминское водохранилище! Одно из самых больших в мире! Вот я и вырос на побережье Бухтармы. А озеро Зайсан слышал? А Маркаколь?

– Не-а.

– Ну, тогда о чем с тобой говорить! Разве о портянках. Вот у тебя даже портянки и те мокрые.

– А у тебя сухие?

– А у меня сухие! – я достал из вещмешка аккуратно свёрнутые портянки, показал ему и положил обратно. Снял с ног сапоги и лёг рядом с ним на траву.

– Это ты, Полёт, так и топал на босу ногу с самого полка? – удивился Кожемяко.

– С самого полка. И назад дотопаю, и ещё что-нибудь прихвачу потяжелее.

Я ведь мечтал служить в десантуре!

Вскоре нас построил комбат Селиванов и зачитал «обстановку на нашем рубеже»: несколько дивизий противника перешли границу и двигаются на нас всей армадой! Зачитал на полном серьёзе, и мы поспешили занять позиции. Но это была обычная военная игра. После всего мы перекусили сухпаем, что нам выдали в дорогу, и отправились в обратный путь.

Назад шло немного тяжелее, меньше разговаривали, чувствовалась усталость. Не каждый день мы делали сорокакилометровые марш-броски, мы же не пехота. Возле казармы я достал из вещмешка большой чешский кирпич, что прихватил из запасного района, и положил его на обочине. Аристо выглядел бодрее других, он удивленно глянул на меня: «Точно, Артём, тебе надо было в десантуре служить. Все с ног валяются, а он хоть бы хны». Тот вечер я хорошо запомнил. Нам разрешили отбиться раньше времени. На ужин никто не пошёл. Ещё утром Эдик Гайдамаков договорился с Ногтевым насчёт жареной картошки. И мы вдвоём должны были после отбоя прийти к Генке в котельную. Тот, находясь в зимнее время на должности истопника, в запасной район не ходил. Железная коробка цинка из-под патронов давно была выжжена на костре от краски и ждала, когда ею начнут пользоваться в мирных целях, готовя в ней пищу. Вся уставшая батарея дружно спала в казарме, когда мы с Эдиком, надев шлёпки, обогнули казарму и открыли скрипучую дверь котельной со стороны ремонтной роты. У топки суетился Ногтев, забрасывая в нее уголь. Мы спустились по лесенке вниз. Геша стал извиняться, что не получилось у него – земляки из наряда по столовой подвели.

– Ну и балаболка ты, Геша! – недовольно высказал Эдик свое мнение.

– Мы из-за тебя на ужин не пошли, ты же обещал, – напирал я на Ногтева.

– Полёт, ну не получилось... Не вынесли земляки.

– Значит, так ценят они тебя, что даже такую мелочь не могли организовать!

– подытожил я и сел на ступеньку лестницы.

В этот момент я почувствовал такую усталость, что мне уже не нужна была эта жареная картошка. Глядя на огонь, пляшущий в топке, я заворожённо сидел в каком-то полусне. И тут отворилась дверь, на пороге показался офицер с повязкой на рукаве, за ним стояли два солдата – дежурный по полку со своим нарядом. Когда-то я от таких «ребят» удачно убежал, добыв булку хлеба Маслову на день его рождения. Теперь уже не было ни одного шанса скрыться. Мышеловка захлопнулась. Промелькнуло в голове: «Приехали! Поели картошечки!» Нас с Эдиком занесли в «чёрный» список и отправили в казарму.

На утреннем построении нам приказали выйти из строя. Немного похожий на пьяного замполит-афганец Сафонов дал нам по трое суток ареста. А так как Гайдамаков был земляком самого Чакина, то ему силою своей власти командир дивизиона заменил трое суток ареста на пять нарядов вне очереди. Он отстоял пару нарядов и о нём забыли. Меня не миновала «чаша искупления вины», и мне вскоре предстояло отбыть на гарнизонную гауптвахту. Было время «межсе-

зонья», когда стрельбы прошли, а на учения или в лагеря ещё не скоро. К тому же я и не искал, как бы мне избежать наказания. Даже наоборот, хотелось пройти и это. Ведь, если верить армейскому фольклору, «тот не видел армии, кто не был на “губе”».

Больше всего меня опечалил тот момент, что в стенгазете поместили крохотную заметку о нашем выходе в запасной район. Там чёрным по белому было написано, что рядовой Полетаев «натёр до мозолей ноги». Это был почерк нашего писателя Козырева. Я вытащил эту «штабную крысу» в коридор и ткнул его сытой «личностью» в собственную брехню.

– Ты видел мои «натертые ноги»? Ты сам-то в запасном районе был?

– Нет!

– А чего ты тут нарисовал, ушлёпок?

На шум прибежали Кожа и Аристо, оттащив от меня полуудушенного штабного работника, и подтвердили, что это чистая ложь. Козырев, этот мелкий и скользкий типок из нашего призыва, боясь получить по заслугам, оправдывался тем, что это комбат Селиванов приказал ему написать обо мне. Вон оно что! Комбат по-прежнему «точил на меня зубы». Забегая далеко вперёд, выдам секрет нашего призыва, который открылся только в самом конце службы. Когда мои сослуживцы почти все уже улетели на дембель, и мы, несколько механиков-водителей, остались в ожидании своих самолётов, именно фамилия Козырева прозвучала из надежного источника. Он и был тем самым сексотом, который информировал особый отдел штаба полка.

Мне мои добрые сослуживцы не дали расправиться с Козыревым, вовремя оторвав меня от него. А то бы комбат с удовольствием продлил мне срок пребывания на «губе».

ГАУПТВАХТА

Она находилась в районе Градчан. Меня привезли туда «попутно», когда наш полк заступил в караул по гарнизонной гауптвахте. Мы давно уже «не вылазили» из этого проклятого места. А для лейтенанта Лиманова по «душевной доброте» комбата это было второе место «прописки». Мы уже знали там всё наизусть. Посты на улице и внутри помещения. Знали и тех ребят, кого меняли мы, и тех, кто приезжал менять нас. Самое тяжёлое было – передавать караул местному разведбату. Их полк находился неподалеку. Чернопогонники. У них царил жёсткий «уставняк». Каждое движение по уставу. Вешалка!

Ночами уже был мороз. Меня поместили в маленькое нетопленное помещение, где была седушка у небольшого окна. Сверху стекло было разбито, и из него несло холодом. Я развернул ворот шинели и попытался согреться, но не мог, и прохватывался ото сна всю ночь. Утром меня определили в одну из камер. Ночь, проведенная на территории гауптвахты, в счет моей «отсидки» не засчитывалась.

Все, что я слышал о гауптвахте из уст бывалых солдат, о том, как они «чистили картошку» или «пролеживали нару», совершенно не соответствовало тому, что я увидел на самом деле. Это больше походило на рассказы о дисциплинарном батальоне. Утром в пять или пять тридцать жутко срабатывал звук побудки, похожий на сигнализацию. Подобный же сигнал когда-то я слышал в самолете

перед прыжком с парашютом. Жуткий звук, действующий на нервную систему. Мы подскакивали с нары, вытаскивали ее в коридор на дневное место и выбегали строиться на маленький плац. На это отводилось сорок пять секунд. Всё бегом. И начинали маршировать во дворе по небольшому квадрату, примерно пять на шесть метров. При этом нужно было высоко поднимать ногу и чётко чеканить шаг. При ослаблении звука шагов на балконе второго этажа появлялся начальник гауптвахты, невысокий, злой азиат (мы знали только, что он из малых народов Сибири), и указывал пальцем на того, кто ему не понравился:

– Рядовой с красными погонами! Нет, не ты... Вон тот высокий, за сержантом...

Дополнительно сутки ареста!

Или, бывало, майор награждал «своими подарками» «оптом»:

– Всем дополнительно сутки ареста, без исключения!

Я сразу понял, что здесь можно застрять надолго. Но мне по-настоящему везло. Однажды мне дали пару минут на туалет. Пока я сбегал в помещение, всех на дворовой площадке «наградили» сутками.

Целый день мы, чеканя шаг, маршировали по крохотному гарнизонному плацу. Кружилась голова, звенели ноги. Километров, наверное, двадцать за день наматывали. Хорошо хоть прапорщик, отбывающий за свои прегрешения арест, попался нормальный. Не «рвал с нас шкуру», разрешал по одному отсиживаться под стеночкой, куда не мог заглянуть глаз страшного майора. И сам прапорщик, стоя на месте, притоптывал ногой, чтобы громче казался наш иногда затихающий шаг. От этого однообразия можно было сойти с ума. За радость было мыть полы в здании комендатуры или «набивать кантики» на снегу вокруг гауптвахты. Я и полы мыл, и «кантики набивал» на снегу, всё успел за свои долгие три дня!

У входа на гауптвахту все дорожки расчищены, а снег похож на идеально ровные бордюры. Это такие, как я, залётные души, трудились здесь, выглаживая обычной лопатой белое покрывало зимы.

Долгим показался мне первый день моего арестантского дня. Несколько минут на завтрак, обед и ужин. Несколько минут на туалет, а все остальное время – плац! В команде «Отбой» слышалось то, что было сродни маленькому счастью. Дали сорок пять секунд, чтобы отбиться. Мы бегом затащили деревянные нары в камеру на несколько человек. Матрасов не было, спали прямо на досках. Мой сосед, усталый русский паренёк, был не из нашего полка. Видать, не первый раз он «чалился на нарах», дал мне добрый совет:

– Ты, дружище, так не уснёшь, холодно тут. Ты сделай, как я. Обе ноги просунь в один рукав шинели, а углом шинели закрой лицо от света. Так ты быстро ноги согреешь и сразу уснёшь. А когда ноги в холоде, уснуть не получится.

Я поблагодарил парня за совет, засунул обе ноги в рукав, согрелся и тут же уснул.

Второй день тоже был долгим, но уже более привычным. Тем более я успел выспаться и восстановиться. Не скажу, что он принёс мне радость, но прошёл он без эксцессов, и, самое главное, я не получил «подарок» в виде лишних суток ареста. К вечеру второго дня в караул заступил доблестный разведбат. Знающие арестанты горестно вздохнули в предчувствии тяжёлых суток: «Эти не дадут расслабиться!» Офицер разведки был «больным на всю голову». Строгость и любовь к уставу просто зашкаливали. Он походил на талмудиста, который сухо придерживался «буквы закона». Такой офицер, не раздумывая, выполнит любой

приказ, даже если он будет преступный. Худо-бедно я дожид до обеда. Офицер разведбата явно переигрывал в своей неоправданной жёсткости. Когда нас привели в столовую и мы, проголодавшиеся, стояли у столов, разглядывая еду, старлей-разведчик отдал команду:

– К приему пищи приступить! Сорок пять секунд! Время пошло!

Забренчали кастрюли, ложки и чашки. Я демонстративно отодвинул тарелку, отказавшись от еды, и стал ждать команду «Окончить прием пищи!» Я многое могу сделать за сорок пять секунд, но закидывать в себя пищу как потерпевший по приказу больного лейтенанта – это выше моих сил. Поесть никто не успел, прозвучала команда, и мы снова пошли на плац.

Наконец-то нелюбимая нами разведка сменилась. Снова заступил наш полк. К вечеру следующего дня, по окончанию караульной службы наши пехотинцы увезли меня в Закупи.

ЧЕРПАК

Эта маленькая история с черпаком произошла на той же самой гауптвахте, где я отбывал трое суток ареста. Случилась это примерно за месяц до того моего памятного пребывания «по ту сторону колючей проволоки». И речь здесь пойдет о самом обычном черпаке, а не о солдате, отслужившем год, как обычно называют «кандидата» в Союзе.

Было это в день моего рождения, совпавший с очередным праздником Великой Октябрьской социалистической революции. На завтрак, по традиции, весь призыв делится своей пайкой масла с именинником. Двенадцать округлых кусочков масла лежало на тарелке возле меня. Плотно позавтракав, я вне строя отправился в казарму. Взводный предупредил меня, чтобы я готовился в караул по гарнизонной гауптвахте. Я еще с вечера попросил Лиманова, чтобы он в честь моего дня рождения не ставил меня в наряды. Это был единственный раз, когда я кого-то о чем-то просил. Не откликнулся на мою просьбу молодой лейтенант. Я недовольно буркнул ему в ответ: «Тогда за службу свою я не ручаюсь». После обеда был отдых, а к пяти вечера нас повезли за двадцать километров от полка, в Градчане. В эту караульную службу мы заступали не впервые. В честь праздника, как обычно, выпустили всех солдат и сержантов с небольшим сроком ареста. Осталось только два осужденных на два года дисбата, заключенных в одну камеру. В другой камере сидели два солдата, осужденных на три года тюрьмы. Я должен был заступать на внутренний пост, меняя Колю Лазько. Когда он выходил из помещения, то о нем можно было сказать – «на нем лица не было».

– Что случилось?

– Не разговаривай с ними, они дурные!

Конечно же, меня не могло обрадовать такое сообщение. Я принял пост и пошел по коридору. Автомат висел у меня на ремне за плечом. Из узкой щели двери в мою сторону выпустили струю дыма. Я прошёл сквозь нее к столу, что находился в конце небольшого коридора. Нужно было взять себя в руки. Я медленно пошел обратно.

– Ты откуда будешь? – из той же щели на меня смотрели черные глаза.

– Из Казахстана!

– О, это вешалка! – снова проронил тот же голос.

Помолчав, он попросил, чтобы я угостил его сигареткой. Я сказал, что не курю, но сигареты передадут через следующего, кто будет меня менять.

– Как тебя зовут?

– Артём.

– А меня Муса. Ты из какого полка?

– Из Закупи.

– Я тоже. Из пехоты. Ты меня, возможно, помнишь...

Он сделал несколько шагов назад, а я заглянул в щель. Да, я с трудом, но узнал его. Раньше это был спортивный парень с шевелюрой волос на голове. А теперь налысо выбритый зек.

– Я тебя помню. За что попал сюда?

– За драку. Вместо дембеля теперь поеду в дисбат.

– Никто от этого не застрахован...

– Это ты верно сказал.

Я как в воду глядел. В ту ночь я и сам чуть не загремел под арест. Муса, разговорившись, попросил, чтобы я открыл камеру и выпустил их в туалет.

– Нет, Муса, я не могу открыть камеру. Я и так нарушил устав, заговорив с тобой. Самое многое, что могу, так это попросить, чтобы тебе принесли сигареты.

Через два часа меня сменили. А под утро, когда я снова заступил на свой внутренний пост, на «губе» стояла тишина, осужденные спали. Дремота на мягких лапах бродила по сумеречному коридору. Я присел в уголке и задремал. Крепко задремал, потому что издалека, сквозь сон, я услышал знакомый голос Лиманова: «Рядовой Полетаев!» И затем снова, но уже громче:

– Рядовой Полетаев!

– Я! – подскочил я в своем углу, вытянувшись перед офицерами.

Их было двое – Лиманов и невысокий майор, начальник гауптвахты.

– Расскажите мне обязанности часового! – потребовал майор.

Я стоял и молчал. Какой толк рассказывать, когда тебя, как говорится, «поймали с поличным».

– Рядовой Полетаев, сдать оружие! – потребовал майор.

– Есть сдать оружие!

– Утром определим его в камеру. Он тут всё уже знает, ему не привыкать, – заключил старший офицер.

Меня привели в комнату отдыха в караульном помещении, и я стал дожидаться своей участи. Но ни утром, ни вечером меня в камеру не определили. Дело в том, что зампотех батареи старший лейтенант Самойлов, который тоже заступал с нами в караул, запретил меня арестовывать. Причина была простая – еще не закончилась осенняя проверка, и каждый день могли поднять по тревоге, а без механика-водителя некому выгонять машину на учения.

Караульная служба подходила к концу. Мы ждали смены. И вот в дверях появились чернопогонники – офицеры, сержанты и солдаты разведбата. Сразу же пропало настроение. Им мы всегда сдавали караулку с проблемами. Офицер разведки дотошно высматривал недочёты. И всё же он «вынюхал». На кухне по списку не оказалось одного черпака. Куда он мог подеваться, кому понадобился? Никакой ценности он не представлял, солдату пригодиться не мог, это же не ложка! Больше получаса лишнего времени наше подразделение находилось на «губе», десятки раз перевернув вверх дном кухню и все закутки. Я, как «проштра-

фившийся», не был рядом со всеми и не сразу узнал причину нашей задержки. А когда до меня дошло это известие, я сразу же подошел к Лиманову: «Дайте мне полчаса, и черпак будет здесь!» Решений больше не было. И лейтенант разрешил мне выйти за территорию гауптвахты. Еще не было снега, было не холодно, солнце клонилось к закату. Я быстро пересёк дорогу, подойдя к двухэтажному зданию, где должен был служить мой земляк одного со мной призыва. О нем я узнал от другого земляка, с которым пересёкся, когда мы выходили на улицу в составе конвоя. Тогда арестованные работали за территорией. А я, увидев солдата из Азии, разговорился. Ержан оказался родом из соседней со мной деревни. Он-то и дал мне «на всякий пожарный случай» координаты земляков, находящихся неподалеку. Тут и завертелась во всю мощь «машина землячества». Стоило мне сказать, что я земляк Ержана, Ирлан выслушал меня и тут же написал записку. Показал мне на автобус, который шёл по армейскому городку. Я поблагодарил и запрыгнул в «ПАЗик», чтобы через несколько минут выскочить у столовой. В открытое оконце я попросил позвать Рашида и передал ему записку. В ней на казахском языке было написано всего несколько слов. И этот земляк, которого я до сей минуты не знал, моментально исчез и появился через несколько секунд, вытащив из-под белого халата черпак, который тут же исчез в широком рукаве моей шинели.

– Рахмет, брат! – поблагодарил я и побежал на остановку автобуса, который собирался возвращаться обратно.

Всё это было, как в кино. Пазлы собирались в красивую картинку. Через десять минут я постучался в ворота гауптвахты, вошёл на кухню и положил черпак на стол перед офицером разведки. Я уложился в полчаса отведённого мне времени. Теперь мы могли свободно ехать в родной полк.

Прежде чем завершить тему гарнизонной гауптвахты, я расскажу ещё один эпизод, в котором достойно показал себя лейтенант Лиманов и ребята из нашей батареи. Было это уже весной, когда призыв Шикармамадова и Почуева «паковал чемоданы на дембель». Несколько недель подряд мы заступали в караул по гарнизонной гауптвахте. И каждый раз мы наблюдали на «губе» одного и того же несменяемого арестанта по имени Тимур. Сменилась уйма народа, а он один, как приговорённый, жил на «губе». Земляк Ибиша Ибишева и Софиева Фахри, этот невысокий азербайджанец тоже был из нашего пехотного закупского полка. Его держали здесь больше месяца. По уставу только командир воинской части мог наказать арестом нарушителя дисциплины до тридцати суток. За какие «прегрешения» его сюда посадили, мы не интересовались.

Глядя на злобное отношение к нему со стороны начальника гауптвахты, мы поддерживали Тимура как могли. Мы его знали по полку. Майор упивался своей силой, он готов был «сгноить» непослушного рядового и подкидывал ему «подарки» в виде добавления суток. А между тем дембельские самолеты уже улетали в Союз. И каждый раз, когда над нами пролетал очередной гражданский самолет, Тимур поднимал голову и с грустью провожал его глазами. Он тоже должен был улететь домой, но и поступиться своими принципами тоже не мог. В последний раз перед демобилизацией заступал в караул старший сержант Шикармамадов. Меня, как механика-водителя, оставили в полку, и я не стал участником произошедшего. События развивались следующим образом.

Начальник гауптвахты построил наш караул на маленьком плацу. Перед ними стоял рядовой Магомедов Тимур. Майор в ярости своей отдал совершенно нелепый приказ:

– Лейтенант Лиманов, я приказываю Вам окунуть головой в унитаз рядового Магомедова!

– Я отказываюсь выполнять Ваш приказ! Я дурных приказов не выполняю! – громко и чётко ответил наш лейтенант.

Майор передвинулся дальше и отдал тот же приказ следующему «по рангу» замкомвзводу Шикармамадову. Но и он отказался выполнять этот приказ. Все наши ребята отказались. За отказ от выполнения приказа всем грозило последствие оказаться арестантами этой «губы». Ситуация оказалась не в пользу сумасшедшего майора, потому что всех посадить за решётку он не мог, и заменить наряд караулки тоже было нечем. Поэтому начальник удалился, как говорится, «не солоно хлебавши». Интересно, а как бы повели себя на месте наших ребят офицеры и бойцы доблестного разведбата, для которых приказы не обсуждаются, а устав ценится выше всего на свете?!

Лейтенант Лиманов, старший сержант Шикармамадов и все остальные наши ребята по окончании суток караульной службы благополучно вернулись домой. А несломленного Тимура вскоре выпустили на волю. Недаром его имя с азербайджанского языка переводится как «Железный»!

ОСЕНЬ В ЗАКУПСКОЙ ОКРУГЕ. НЕПРОИГРАННАЯ ПАРТИЯ

К осени я закончил читать единственную бывшую у меня во владении книгу любимого в то время Джека Лондона «Мартин Иден». Была она шикарная, в суперобложке. Я купил её в офицерском ларьке и хранил в аккумуляторном отсеке в своем водительском закутке. Читал в свободные минуты перерывов, у костра на учениях, в тусклом свете лампы за задраенным люком во время стрельб. Она мне помогала жить в то непростое время. Потерял книгу Аристотель, которому я дал её почитать. Он тогда уезжал с ребятами на бэтээре в командировку. Общался там с чехами. Приехал, много повидавший, пообщавшийся с вольными «камрадами», и удивленно нам говорил:

– Парни, вы не поверите! Они в открытую говорят, что Гитлер – хорошо, а Ленин – плохо! Представляете?!

– Вот так «камрады»! Какие они нам после этого «камрады»!

Много чего он нам поведал интересного. А потом отвел меня в сторонку и с раскаянием извинился за потерю книги. Но вскоре он где-то раздобыл взамен толстый том «Приключений Шерлока Холмса». Пусть не новая книга, но она пошла взамен прежней. С удовольствием я её начал... Но был пойман майором Чакиным «с поличным». Машина моя уже блестела, вымытая и протёртая тряпками. Агрегаты починены и были помыты с соляжкой. Я сидел в своей кабине с приоткрытым люком и читал. До обеда оставалось ещё немного времени. Снизу лежала широкая книга по ходовой части машины, а сверху – Артур Конан Дойл. Интересная книга, я зачитался. И тут неожиданно появился «Серёга». Никто даже не успел крикнуть «шухер». Или, быть может, я не услышал. Я сидел перед майором, застигнутый врасплох, как сурок в мелкой норе.

– Сидишь, начальник-на, читаешь?!

– По ходовке, – попытался выкрутиться я и стал захлопывать «двойную» книгу, но фокус не удался.

Чакин выхватил из моих рук этот утяжеленный предмет и со всего маху запустил в мою сторону. Реакция у меня была отменная, я успел увернуться, а книги припечатались в заднюю стенку. Он изъял у меня «сиё непотребство», заставил выбраться наружу, и мы пошли смотреть ходовую часть.

– Вымыл он всю машину, сидит почитывает-на! Сейчас мы посмотрим, как он вымыл, – Чакин провел пальцем по коробке передач, поднял его, но тот оказался чистым. Он просунул руку вглубь и из-под самого низа достал слегка замаранный палец. – Вот! Где она чистая, солдат-на?

Уходя, он бурчал под нос: «Кругом ублюдки-на, солдат не осталось совсем!»

За полком – осеннее половодье красок. Почти во все стороны, стоит только немного пробежаться по дороге, густо растут яблони и груши. Каждое утро, делая пробежку через Закупи, мы притаскивали полные карманы яблок. И когда работали допоздна в парке боевых машин, отправляли гонцов за фруктами. Однажды Коля Лазько вернулся с такого похода на чешские дачи весь раскрасневшийся, без яблок. Он тяжело дышал, устав от быстрого бега.

– А где наши яблоки?

– Да там, на дереве!

– А что не нарвал?

– Тяжелые они слишком.

– Как так?

– Ну, так вот! Только я залез на дерево, чех из дома выходит, берёт вилы и ко мне. Я не стал его дожидаться, ноги в руки и домой. А он за мной. Крепко бегаёт камрад! Едва ноги унёс.

До самых холодов мы делали вылазки за яблоками. Полк у нас пехотный, а пехота, известное дело, как саранча, вечно в поисках пропитания. Попробуй совладать с такой оравой, особенно если «дедушкам» яблочек захотелось. Тут уж никого не интересует, где ты и как ты добудешь их. Вынь да положи!

С самого раннего утра, часов с шести, слышен гул бензопилы. По полку ходит чех и сучкорезом спиливает ненужные ветки на деревьях. Обрабатывает дерево, пригубит пива, которого у него в рюкзачке немало, и дальше идёт, к следующему дереву. В одной руке пила, в другой – бутылка пива. Нерасторопно он работает, сочетает полезное с приятным. Да и вообще, я заметил какую-то неторопливость во всём, что делают чехи. Они не суетятся, работают неторопливо, словно у них три жизни в запасе.

У нас в полку, в пехотном замке, поселили не то взвод, не то два солдат – чехов и словаков. Говорили, что для «обмена опытом». Хотя чему мы могли у них научиться? У них не служба, а «детский сад». Никто их не гонял, «строевыми» не мучил – жили в свое удовольствие. Играли на площадке в волейбол, медленно, без азарта. В это время, чтобы не «упасть в грязь лицом» перед «камрадами», полк кормили как «на убой». Чехи заходили в столовую и вскоре покидали её. Бывало, что они даже не притрагивались к столам. Разворачивались и шли в «чпок», наш магазинчик, где имелись столики и можно было перекусить. На ночь они могли уехать ночевать домой, а кто подальше, скажем, в Моравии или Словакии, могли

отпроситься и покинуть часть на несколько дней. Им было не понять, что значит служить два года, не зная не только отпуска, но и обычной «увольнительной». Разница в отношении к службе была огромной. Пересекаясь с ними вне территории полка, где-нибудь на стрельбах, где все жили в палаточных городках, я заметил одну неприятную вещь, о которой мне даже стыдно говорить. Вместо туалета у них выкапывался в земле небольшой ровчик, где солдаты, пристроившись один подле другого, как куры на насесте, справляли свою нужду. У нас, в отличие от них, всегда был туалет, который идеально «блестел», вымытый «слонами».

Меня всегда удивляло, откуда у чехов такая мощная хоккейная сборная, когда даже молодые люди весьма неторопливы. Ходили слухи, что когда сборная ЧССР по хоккею проигрывала сборной СССР, то чехи производили обстрел наших постов. Якобы это происходило из проносящейся «Шкоды», и пост находился рядом с дорогой. Повторюсь, что это слухи. Я об этом слышал, но не видел. К нам чехи относились неплохо, словаки – с особенным уважением.

Как только мы стали «кандидатами», много разных «льгот» у нас появилось. Мы иногда могли себе позволить не ходить строем в боксы боевых машин, обходя весь полк, через плац. Строй уходил, а мы перепрыгивали забор и через минуту оказывались на месте. Конечно, нам завидовали другие подразделения, ведь больше ни у кого такой короткой тропы к боксам не было. И нам однажды подпортили такую радость, намазав верх забора густым слоем солидола. Подозрение пало на танкистов, чьи боксы прилегали к нашему забору. Но, как говорится, не пойман – не вор. Пришлось двум или трем нашим солдатам чистить измазанное хэбэ. Забор тоже пришлось убирать от солидола. Но они частенько «подкладывали нам свинью».

В довольно просторной «курилке» под навесом у забора, за которым находился парк боевых машин, частенько после обеда наш призыв и «старослужащие» стали играть в шахматы. Мы экономили на игру полчаса, которые тратились на дорогу в парк боевых машин. Заслышав, что наше подразделение подходит к боксам, мы перепрыгивали через забор.

В ту осень, вскоре после моего возвращения из гауптвахты, я чуть было снова туда не загремел, но уже на более солидный срок. В подразделении, где на трёх солдат приходится один офицер или прапорщик, всегда найдётся желающий покомандовать бедолагой-солдатиком. Слишком много у нас стало командиров. Кроме непосредственных начальников, нами желал управлять какой-нибудь прапорщик взвода обеспечения. В молодом зенитном дивизионе ещё шла «притирка» – не так просто срастить два разных подразделения в одно целое. Было у нас несколько хороших прапорщиков, хотя по сложившемуся у нас солдатскому суждению в прапорщики шли служить те, кто неважно служил солдатом. И, надев погоны с двумя маленькими звёздочками повдоль, некоторые начинали вымещать свою злобу на солдатах, попавших под их руководство. С таким прапорщиком я и схватился. Я, конечно, не был «подарком», но претензий к моей службе у офицеров не было. Моя «Шилка» исправно бегала, механик-водитель из меня получился неплохой, «молодых» я не «гнобил», они понимали меня с полуслова. Среди ребят я имел определённый авторитет. Я крепко стоял на своих солдатских ногах.

В тот солнечный день мы, как обычно, после обеда играли в шахматы. Я и мой друг Аристотель. Партия подходила к концу. Наш взвод только ушёл в парк

боевых машин. На крыльце казармы появился молодой прапорщик Шкодило, была у него какая-то маленькая должность во взводе обеспечения. Издалека он заметил «нарушителей дисциплины» и картаво крикнул в нашу сторону:

– Бойцы, а вы, почему не в стр-р-ою? – была в его голосе бравада и желание покомандовать.

Само обращение «боец» было у нас принято только к первому периоду службы, для нас оскорбительное.

– Сейчас доиграем и пойдём, – ответил я.

Прапор не унимался.

– Я к вам обр-р-ащаюсь, бойцы, или вы меня не слышите?

– Доиграем и пойдём, – повторил Аристо.

Шкодило направился к нам, и мы поняли, что конфликта уже не избежать.

Прапорщик вошёл под навес и стал над нами.

– Я вас спр-р-ашиваю, бойцы! – нудил над ухом прапорщик и не замечал, что «переборщил».

В этот момент я не совладал с собой и подкинул доску, отчего фигуры полетели в воздух. В мгновение я поймал прапора «за грудки» и встряхнул, отчего фуражка соскользнула прямо в закопанный обод для «бычков».

– Во-первых, мы не «бойцы», а «кандидаты», – пояснил я ему. – А во-вторых, у нас есть свои командиры. А ты иди к себе в хозвзвод и командуй там!

Аристо, приподнявшись на корточки, по-дружески шептал мне на ухо: «Отпусти падлу, а то посадят». Я отпустил. Тот был немного выше меня ростом. Поправил расстёгнутый подворотничок и скомандовал:

– Товар-рищ солдат, я приказываю Вам сдать р-ремень и пилотку, – он потянулся за пилоткой, но я отвел голову вправо, потом влево так, что его рука бесполезно хватала воздух. Снял её и бросил ему под ноги. Рядом кинул ремень. Он поднял, дважды за ними нагнувшись.

– Товар-рищ рядовой, следуйте за мной!

Я пошёл вслед за ним в казарму. Ничего хорошего меня не ждало. На крыльце стоял начальник штаба дивизиона майор Горелов. Возможно, он был свидетелем нашего общения. Это был умный, весьма своеобразный человек. Он был настолько худой, что могло показаться – человек состоит из одних сухожилий. Когда майор шёл, создавалось впечатление, будто его блестящие яловые сапоги, в которых ноги торчали, как былинки, немного отстают от него. Говорил он не торопясь, обдумывая слова, желваки в этот момент перекатывались по впалым щекам.

– Куда ведёте солдата?

– К вам, в штаб!

– А на что он мне?

– Он неуважительно общался с пр-рапор-рщиком.

– Может быть, прапорщик сам спровоцировал конфликт?

– Но он на меня кинулся!

– И что вы предлагаете с ним делать?

– Не знаю...

Я наблюдал со стороны, чем решится моя участь.

– Вы думаете, что гауптвахта Полетаеву поможет? – эти слова запомнились мне отчётливо. – Выйдет с «губы», и хватит этого рядового от силы на два-три дня...

А вы, товарищ прапорщик, попробуйте по-человечески поговорить с солдатом. Идите к себе в кубрик и поговорите. Я надеюсь, что вы найдёте общий язык.

– Есть, товар-рищ майор-р.

И мы пошли в кубрик хозвзвода «разговаривать по душам». Сели на табуреты друг напротив друга. Но разговора у нас не вышло. Шкодило «по-человечески» разговаривать не умел. Снова он пошёл «нахрапом», откуда-то свысока. Между нами во весь рост, как мрачные тени, вставали казённые обращения и недопонимание.

– Товар-рищ солдат, вы поступили непр-равильно.

– Я поступил так, как вы этого заслужили.

– Вы должны были идти стр-роем в пар-рк боевых машин.

– Там и без нас есть кому ходить строем. У нас недоигранная партия.

– Товар-рищ солдат, вы обязаны придер-рживаться устава и соблюдать всё, что там написано.

– А ты не тряси уставом к месту и не к месту. Я его не хуже тебя знаю, – обстановка накалялась, я перешёл на «ты». – А где ты был со своим уставом, когда нас по ночам «деды» строили? Хорошо, тебя у нас не было, ты пришел со стрелками-зенитчиками. Так почему ты не помог бедному Кенту, которого прессовал Коничек? Теперь парень поедет на дембель «со сдвинутой кукушкой». Где ты был со своим уставом? Ответ! Что ты молчишь, любитель устава?!

Обстановка грозила снова выйти из-под контроля. Меня «штормило» от эмоций, я встал, давая понять, что разговор исчерпан. Шкодило тоже встал, побагровевший и «надувшийся». Ему хотелось меня «кольнуть» чем-нибудь обидным, но он не находился.

– Товар-рищ солдат, а знаете, сколько пр-рапор-рщиков посадили из-за таких, как вы, солдат?

– Не знаю! Только из-за таких, как ты, прапоров, думаю, много невинных солдат пострадало, – я повернулся уходить, но разговор ещё не был закончен. – Слушай, а тебе надо было это?

– Что именно? – не понимал прапорщик.

– Разговор вот этот! Мы же всё равно друг друга не поняли. Выходит, что зря потратили время. Мы бы с Аристотелем уже давно доиграли партию и были бы в боксе. Чего ты добился?

ТРИ ЭПИЗОДА ОСЕНИ 1986 ГОДА

Той же осенью, либо в самом начале зимы, когда ещё было относительно не холодно в нашей закупской округе, произошло три запомнившихся мне случая.

Первый произошел с замкомвзвода Шикармамадовым. У Сергея случилось горе, умерла мать. Его в связи с этим отпустили на десять дней в отпуск на родину. Больше двух недель пустовала его аккуратно застеленная кровать в самом углу казармы. Приехал он из Таджикистана загорелый и вроде как посвежевший. Печать горя ещё лежала на его красивом лице, черты которого немного заострились – и нос, и скулы, и подбородок. Глаза – с дымкой, не те прежние – с блеском. Мы все встречали его с радостью, особенно старослужащие, его призыв, с которым за время службы он сроднился – Ибиш Ибишев, Володя Почуев, Фахри Софиев и все остальные. Он тоже был рад, что попал в родную стихию, где имел

солидный авторитет. Замкомвзвода редко что могло вывести из себя, был он всегда спокоен, собран. Форма на нём сидела идеально, он так подгонял её по фигуре, что можно было подумать, что Сергею по заказу шьёт ателье. От выглаженной, «заостренной» пилотки до начищенных сапог с незаметно «наращенными» каблучками – любо-дорого посмотреть на нашего сержанта. Высокий, с ровной спиной и тонкой талией, Шикармамадов спокойно шёл рядом со взводом, уводя его в парк боевых машин. И где-то там, недалеко от наших боксов, замкомвзвода сцепился с прапорщиком чужого подразделения. Как они пересеклись, что послужило началом конфликта, я уже не помню, только знаю, что прапорщик неосторожно выругался в сторону замкомвзвода.

– Мою мать? – Шикармамадов взорвался, резко ударив обидчика.

Сергея держал весь его призыв. Надо же было этому прапору «ударить» в большое место человека, который только похоронил свою мать! Немолодой уже прапорщик, привыкший матерно общаться с солдатами, скривившись от боли, едва ворочая челюстью, злобно рычал:

– Я посажу тебя, сержант!

Шикармамадову грозил дисбат. Но выручил лейтенант Лиманов, который, разобравшись в ситуации, объяснил прапорщику, что он не прав. Тот оказался «нормальным мужиком» и не стал портить жизнь молодому человеку.

Второй случай начался в столовой и чуть было не перерос в массовое побоище. Пехотный полк, как известно, всегда пополнялся разноплеменным людом, особенно с окраин. Помню, что «заварушка» началась из-за моего земляка. Звали его не то Ерик, не то Ерлан. Служил он в пехоте. Что не поделил он с кавказцем, мне неизвестно. Только в столовой до драки не дошло. «Стрелка» была назначена на вечер. И где-то в районе складов, между нашим «болотом» и замком пехоты собрались «на разборки» две тучи – азиаты и кавказцы. Исчезновение из подразделений одномоментно стольких солдат и сержантов сразу всполошило офицеров, которые вскоре появились на месте разборок. Но первым вступил «в бой» один из бывалых прапорщиков, невысокий русский мужичок с усами. Возможно, он прибежал из караульного помещения, потому что у него было табельное оружие. Прапорщик встал между двумя рычащими друг на друга лавами, требуя, чтобы они разошлись. Лишь после того, как он произвёл несколько выстрелов в воздух, толпы стали расходиться. Конфликт затушили в самом начале, не допустив кровопролития.

Третий случай – это чрезвычайное происшествие в нашей части. Молодой солдат, отслуживший полгода, имея доступ к боеприпасам, взорвал себя гранатой Ф-1. Было это в пехотном боксе. Он открыл задние двери боевой машины пехоты и, стоя между ними, выдернул чеку. Никто, кроме этого солдата, не пострадал, благодаря тому что близко никого не было и что с двух сторон была бронировка машины. Причиной такого поступка было то, что накануне происшествия он получил письмо от девушки, которая его не дождалась. Возможно, это сообщение послужило лишь детонатором к другим причинам, скажем, к той же «дедовщине». Солдат был ещё живой, когда его погрузили в машину и повезли в ближайшую чешскую больницу, но чехи сказали, что самоубийц не лечат. Тогда повезли в наш госпиталь, в Дечин. Он умер по дороге. Его гроб стоял на бетонной площадке возле складов. Все ходили смотреть на покойника. Прапорщик пехоты, откуда-то тащивший ящик с гранатами на склад, цинично спросил: «Есть ещё желающие?» Этот русский паренек был откуда-то из российской глубинки.

ЗИМА 1986 ГОДА. СНОВА В ДОУПОВ

Новый 1987-й, наш дембельский год, мы встречали в казарме. Воспоминаний о нем не осталось, кроме того что Коля Лазько пытался навести какой-то спиртовой эликсир из зубной пасты. Ему хотелось отметить этот праздник «солидно». Все делалось в строжайшей тайне, потому что вся казарма была наводнена офицерами и прапорщиками. Мы, «кандидаты», собрали несколько зубных паст, в которых по мнению Лазько, есть содержание спирта, выдавили их в солдатский котелок и разбавили водой. Попробовали: «Редкая ерунда!»

– Пусть постоит немного, чтобы спирт вышел из нее, пусть напиток настоится, – с редким оптимизмом и надеждой успокоил нас Лазько.

Но и через полчаса результат был таким же.

Аристотель пригубил самодельный напиток:

– Я ничего не понял...

Лазько выпил треть котелка: раз никто не желает, то ему больше достанется. Постоял в недоумении:

– А я думал, что хоть немного «зацепит».

– Дура ты! Только пасту зря перевели из-за тебя, – заключил Кожемяко.

Прапорщик Дробышев из взвода обеспечения, проходя мимо нас, учуял запах зубной пасты:

– Рановато вы, ребята, отбиваться собрались, зубы почистили. Сейчас телевизор смотреть будем. Генеральный секретарь Горбачев поздравлять будет.

– Да уж! побыстрее бы он уж поздравил, – недовольно бурчал Кожа, ополчившись на Лазько за неудачу с зубной пастой.

Его успокаивал Аристо:

– Ладно уж, он же не маг, из воды делать спиртное! Радоваться надо – наш год наступает, дембельский, понимаешь?

А у меня была радость – перед самым Новым годом пришло письмо от родителей, где они сообщили, что из Павлодара к ним пришла моя посылка от Владика Кученёва. Я поделился своей радостью с Фахри, который недоверчиво относился к таким затеям.

– Хороший у тебя земляк! Честный!

А утром первого января мы уже работали в своих боксах. Даже фотография сохранилась, где я сижу со шлемофоном на голове в своем промасленном зимнем комбинезоне на башне моей «Шилочки». На обратной стороне надпись: «Папе и Маме. ЦГВ, Закупи, 1 января 1987 года». Так начинался этот «дембельский» год.

Через несколько дней был сильный снегопад. Мы не успевали убирать снег перед воротами боксов. Работали лопатами и «скребками» – широкой специальной железной полосой, к которой была приварена удобная ручка под обе руки. Комбат Селиванов ходил злой. Умел он разгневаться по любому поводу. Глаза горели чёрным огнем, усы топорщились. Искал свою жертву, чтобы «отвести душеньку». И тут у меня, как назло, сломался скребок, отломился по сварке. Как с цепи сорвался Селиванов, стал кричать, будто я специально испортил инструмент. Если бы он просто сказал мне заварить его в ремроте, то я сходил бы и сделал. Но комбат совершил большую глупость – он всю дорогу до боксов ремонтной роты «учил меня жизни». А я тащил скребок и «учился жить». У ворот ремроты сержант в рабочем комбинезоне сворачивал после ра-

боты сварочный аппарат. Это был мой земляк из Зырянновска Олег Ворогушин, будущий старшина ремроты.

– Товарищ сержант, заварите нам нашу лопату! – приказным тоном, не поздоровавшись, сходу в карьер пустил свою гневливую лошадку Селиванов.

Я подморгнул глазом земляку, и он сразу понял меня.

– Попробуем, товарищ старший лейтенант, – с убийственным спокойствием ответил Олег.

– А что тут пробовать! Проварил вот этот шов, и всё! – не унимался комбат.

– Если сварка не подведет, почему бы и не приварить? – Ворогушин размотал провод и подключил его в сеть.

Но что-то мне подсказывало, что аппарат непременно должен подвести. Так и вышло. Сколько Олег ни тыкал электродом в железку, толку не было. Он снял маску.

– Не работает, товарищ старший лейтенант.

Возмущению Селиванова не было предела, его распирало от гнева.

– Товарищ сержант, я только что видел, когда шёл сюда, как работала сварка.

– Работала, не отпираюсь, – снова убивал своим спокойствием – резал без ножа нашего комбата сержант, – а теперь, как видите, не работает.

– Вы что здесь мне цирк устраиваете? – увидев мою ухмылку, кинул в мою сторону злобный взгляд Селиванов, догадавшись, что ему здесь ничего не выгорит.

Он предпринял последнюю попытку, как говорится, «пошел в разнос»:

– Товарищ сержант, я приказываю вам заварить эту лопату!

– Товарищ старший лейтенант, вы же видите, что сварка не работает! Как же я заварю? И потом, не надо на меня кричать!

– Что? – взорвался комбат.

– Не надо на меня кричать, – спокойно повторил свое пожелание Ворогушин, – у меня есть свои непосредственные начальники, но даже они на меня не повышают голоса.

– Вы, товарищ сержант, по уставу обязаны подчиняться любому офицеру в части.

– Я хорошо знаю устав, товарищ старший лейтенант. В нём не написано, что офицер имеет право унижать солдата.

Селиванов захлебнулся в собственной злобе, лицо перекошило ядовитой улыбкой. Он повернулся ко мне, своему непосредственному подчиненному:

– Товарищ рядовой...

– Я, – неторопливо откликнулся я.

– Я приказываю Вам взять лопату и отнести в бокс.

– Есть! – незаваренный скребок я потащил назад, вслед за Селивановым, а Олегу показал за спиной сжатый кулак с оттопыренным вверх большим пальцем в знак благодарности. Это был хороший урок офицеру, не умеющему разговаривать с солдатами.

Снег валил и валил. Когда комбат ушёл из бокса, я сходил к Олегу и заварил скребок. Он показал мне предохранитель, который незаметно вынул, чтобы аппарат не работал.

– Как научиться разговаривать с солдатами ваш Селиванов, так пусть подходит. Поможем, чем сможем.

Мы по-землячески обнялись, и я ушёл чистить снег.

С некоторых пор у меня наладились отношения с другим моим земляком, с нашим замполитом. Капитан Сафонов оказался не таким страшным, как это показалось на первых порах. Трое суток ареста, «подаренные» мне с его лёгкой руки, я ему простил. Не такое страшное «прегрешение» было – поймали мирно сидящего в кочегарке трезвого солдата после отбоя. Могли бы и ограничиться одним нарядом вне очереди. А вот за помятую форму прапорщика Шкодило вполне могли дать и арест. Но дело прошлое, тогда Сафонов не знал, что я его земляк. А когда он об этом узнал, стал ко мне очень тепло относиться. Весело шутил, иногда рассказывал что-нибудь из жизни, заступался за меня перед комбатом, видя его бешеный характер. Я тоже его выручал. Хотя, казалось бы, чем может солдат помочь офицеру? А многим! Может, имея авторитет, в строю уговорить любого, кто вдруг решил «выкнуть» против уважаемого офицера. Опять же, твой авторитет, отношение к тебе сослуживцев автоматически накладывает отпечаток и на земляка, неважно, офицер он или солдат. Сафонову некогда было заниматься семейным бытом, он большую часть службы проводил в казарме, хотя был не из того числа, кто хотел выслужиться. И как человек он оказался весьма надежным и порядочным. Не мучил нас долгими политинформациями, не повышал голоса, уважал солдата. Видимо, Афганистан многому его научил. Однажды замполит в разговоре со мной сказал, что у сына велосипед сломался, сидушка. В то же утро я отдал её в ремроту, а к обеду Олег Ворогушин вернул готовую деталь велосипеда. Сафонов был обрадован столь быстрому ремонту, и с этой поры мы стали дружны. Я не переходил черту общения, не позволял себе панибратского отношения к офицеру, но все с той поры знали, что у меня есть надежная защита в лице моего земляка-замполита.

Вскоре после того снегопада и случая со сломанным скребком полк подняли по тревоге и направили на запад, в сторону Доупова, где прошлым летом мы чуть не пересекли границу ФРГ. О том, что ожидаются учения, мы знали заранее. Полк оживился, как муравейник, куда-то бежали солдаты. Мы, механики-водители, получив оружие, первыми выдвинулись к боксам, в окружную, через плац. Через забор не пошли, чтобы нас в темноте не пострелял караул. Нужно было прогреть двигатели, прежде чем подойдет основной состав батареи. Обычно мы задраивались каждый в своем люке механика-водителя, включали печку, единственную на весь экипаж, чтобы быстрее прогреть холодную кабину. Пока прогревали, подтянулись наши экипажи с грудой всякого нужного барахла: палатки, железные печки с трубами, валенки, одеяла и прочее добро. В боксе не продохнуть от дыма. Выгнали машины на улицу, поставили одну за другой в ожидании своего места в полковой колонне. После этого нам дали команду – сходить на завтрак. Пехота снова мимо нас тащила в палатках хлеб, которым мы по старой традиции немного разжились – десяток булок на пехотную прорву невелика потеря. В казарме осталось несколько человек: Ногтев, что в зимнее время был кочегаром, «генацвале» Шелия, считавший, что и без него «на войнушке» обойтись смогут, Аристотель, как «безлошадный» механик-водитель, да пара полубольных «доходяг», от которых никакого толку на учениях нет. И потянулась колонна по зимней дороге через маленькие чешские городки на станцию загрузки. Только к сумеркам мы приползли к железнодорожному полотну. С платформ еще разгружалась чешская часть, вытягиваясь в колонну по левую сторону от нас. Мы стояли по правую. Вокруг нас – сосновый бор. Пока было время, мы пошли знакомиться с «камрада-

ми». Они оказались общительными хорошими ребятами. Немного понадобилось времени, чтобы настроиться на общую волну. Кое-что показывали жестами. Возле чешской «бээмпешки» стоял вагончик, весьма уютно оборудованный для жилья. Мы стояли дружной толпой и разговаривали. Кожемяко Серёгу заинтересовало – а есть ли у них «дедовщина»? Камрад ответил, что есть.

– А как у вас зовется молодой солдат? – поинтересовался Кожемяко.

Чех что-то ответил, показывая руками птицу. Оказалось, что молодых у них зовут «голубьями».

– А у нас – «слонами». Есть «боевой слон» и просто «слон», – разъяснил Кожа камрадам, показывая руками символический хобот.

Ибишеву захотелось попить воды, он попросил старослужащего чеха организовать водичку. Тот нерасторопно отправился к вагончику в поисках «голубя» и попросил того принести воды. Несколько минут мы стояли в ожидании «голубя», который куда-то потерялся.

– А где вода? – поинтересовался Ибиш.

Чех-«дед» снова зашёл в вагончик и вывел оттуда молодого бойца, который держал в руках ковш с водой. Их нерасторопность нас обескуражила.

Кожемяко, всегда умеющий найти едкое слово, победно выпалил:

– Да наши «слоны» летают быстрее, чем их «голуби». Ну, блин, детский сад!

Действительно, с нами им состязаться было бесполезно. Все дружно посмеялись, в том числе и чехи, когда им Кожемяка объяснил, что слишком медленно ходят их молодые. Когда «голубь» удалился, чех порылся в кармане и вытащил оттуда целую пачку эротических фотографий. Уже наступили сумерки, было плохо видно. Тогда он залез в БМП и включил свет, который осветил всю колонну. Под этим ярким светом наши ребята принялись с интересом рассматривать фото, ведь у нас такого «добра» еще не было. От этого занятия нас оторвала команда комбата, который дал команду ужинать. Мы наломали веток сушняка недалеко от дороги и разложили небольшие костерки. На огонь поставили разогревать банки сухпая.

В темноте показалась худощавая фигура офицера, и возле соседнего костра послышался знакомый голос:

– Вы хоть дырки сделайте в банках, чтобы они не взорвались. Знаете, как весело они взрываются?! Меня в Афгане не убило, а вы меня тут тушёнкой порешите!

Замполит подошёл к нам, отпустил какую-то шутку и отправился в конец колонны. Загрузились на платформы в темноте при освещении фонарей, закрепили технику и стали располагаться в вагоне. Нары мы, как обычно, закинули наверх, привязали, застелили и улеглись под одеяла, чтобы быстрее согреться. Нужно было еще протопить вагон. Молодые крутились возле печки, дрова не разгорались, дымили. Сержант второй батареи Пашка Реус, который «по молодухе» был большим мастером достать из-под земли почти всё, что могло прийти в голову «дедушке», возился у печи. Он давал урок выживания молодым.

– Салабоны, сюда смотрим, пока я добрый. Два полешка бросаем по краям, поперёк них укладываем тонкие, сухие. Бросаем снизу спичку, поджигаем бумагу... Горит? А теперь, если потухнет, пойдёте в тамбур жить, до конечной станции! Понятно?!

Было смешно смотреть на этого бедного Пашку, угрозы которого больше смешили, чем запугивали. Кто не видел Коничека, тому и Пашка страшным мог показаться. А может, просто я к нему привык. Для молодого солдата большинство

«дедов» жутко страшные. Постепенно вагон стал прогреваться, раздалось сонное сопение «дедов» со своих высоких нар. Поезд шёл в светлой снежной темноте в глухую даль. «Слоны» копошились на нижних, неудобных для проезда лавках. Уставшие, они укладывали головы на плечи своих соседей, таких же измотанных мальчишек. Длинной горбылиной бродил в дальнем закутке второй батареи Целка, выскивая сигарету для «деда».

– Фадей, ты чё, всё накуриться не можешь? – с верхней нары заступались за своего земляка москвичи Жора Васильев и Саня Чернышов. – Кончай мучить Целку! На, Фадей, возьми у меня сигарету. А ты, Целка, пошёл спать к себе и больше ни к кому не поднимайся! Понял меня?

– Понял, – раздался скрипучий усталый голос Целки.

– Вторая батарея! – громко окликнул соседей проснувшийся Шикармамадов. – Может, вы уже уgomонитесь?! Фадей, Жора, утром разберётесь! Хватит шуметь. Всем отбой!

Это была уже не та «дедовщина», которую мы видели, будучи первогодками.

Покачивался поезд, настукивали свою дорожную песню колёса. Эшелон двинулся на запад, в Доупов.

НА УЧЕНИЯХ

Весь следующий день мы ехали в Западную Чехию. Иногда из переднего вагона у нас появлялся офицер или прапорщик. Несколько раз проверял наш взводный, лейтенант Лиманов. А когда опять зашёл замполит Сафонов, мне показалось, что он слегка пьян.

Я окликнул его с верхней полки:

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– И тебе, земля, не хворать!

Мы посмеялись с ним. А уходя, он в шуточной форме приказал:

– Рядовой Полетаев! На-ле-е-во!

Я развернулся через левое плечо на своей лежанке.

– Спать! Рано утром прибываем...

И эта ночь пролетела. Было ещё темно, когда мы выгрузились в Доупове, и грохочущая колонна поползла по белым полям. Я снова держался вслед за Ибишем, а он двигался за Володей Почуевым. В башнях спали наши экипажи, в валенках и укутавшись в одеяла, обогревателя в башне не было. Рассветало. Розовели отдалённые холмы. Теперь я гораздо спокойней, чем полгода назад, переборол желание задремать за рычагами. В первый раз это было настоящей каторгой, словно я был распят между этими тугими рычагами, ежесекундно «отключаясь» и погружаясь в трясину сна. Да, нужно честно признаться себе, я заметно возмужал с той поры.

В этот раз мы не плутали по полям, не испытывали на прочность границы ФРГ. Мы сразу сориентировались на местности и стали занимать свои позиции. Наша находилась справа от дороги, вдоль гребня горы. Мы отыскивали полузамерзшие снегом ямы наших старых позиций, загнали туда «Шилки» и обложили их снежными кирпичами, вырезанными тут же из наста. Спереди из снега виднелись только башни с четырьмя стволами. Палатку мы поставили за дорогой, спрятав ее среди деревьев и обложив снегом. Затопили печку и укрепили нары.

– Нужно наломать лапника из веток сосны, постелим его на нары – будет мягче, и запах хороший, – давал очередное задание замкомвзвода Шикармамадов.

Толпой пошли за ветками. Метрах в ста от нашего месторасположения виднелась сосновая роща. Мы были обуты в валенки. Пробирались по глубокому снегу. Недалеко от рощицы мы с Лазько наткнулись на дикую свинью. Она лежала под деревом, поросята прибились к соскам и, похрюкивая, тянули молоко. Она нас не видела. Надо заметить, что зверь в Чехии непуганый и подпускает близко, его здесь водилось несметное количество. Осторожно, чтобы не вспугнуть свинью, мы пошли назад. У палатки что-то обсуждали парни нашего взвода.

– Ребята, там мясо! – сообщил радостно Коля Лазько.

– Какое еще мясо? – не понял Ибиш.

– Свинья с поросятами!

– Да ну!

– Вон под тем деревом лежит.

Полевая кухня потерялась где-то в полях, наверно, кормила другие подразделения. Сухпай закончился ещё вечером. Мы были голодными. А есть после дороги и работы хотелось.

Ибишев, как всякий азербайджанец, знающий толк в шашлыках, посмотрел на Лиманова, что находился с нами на позициях:

– Товарищ лейтенант, может, стрельнем свинью?

– А у вас и патроны имеются?

– Конечно, найдём! – выдал тайну Ибиш, зная порядочность взводного.

– Нет, стрелять не будем, – обрезал разговор лейтенант.

Мы всем взводом пошли смотреть на свинью. Охотников среди нас не было, за исключением белоруса Шепелевича, который занимался на родине охотой. На всякий случай мы вооружились – взяли с собой топор и лом. Подошли, окружили спящую свинью, которая нас не замечала. Даже когда Ибиш с топором залез на дерево, она продолжала спать. Мы показывали знаками друг другу, что надо начинать. И тут у Ибиша обломилась ветка, упав прямо на свинью. Только в этот момент она поняла, что ей угрожает опасность, подскочила на ноги, встряхнув с себя поросят. Свинья оказалась такой крупной, что у нас пропало всякое желание с ней связываться. Да ещё сделала несколько пугающих прыжков в нашу сторону. Тут-то мы и сорвались от нее убежать наперегонки. Кто-то потерял валенки, увязшие в снегу, кто-то шапку. Вернулись, подобрали. Ибиш слез с дерева и окольным путем, бредя по колено в снегу, вышел к нам. И тут нас прорвало на хохот. Так дружно мы никогда не смеялись.

– «Шашлык» напугал целый взвод зенитчиков! Ха-ха-ха!

Лиманов тоже посмеивался над «героями».

И всё-таки нам хотелось есть.

– Товарищ лейтенант, может, вскрыем НЗ?

– Нет! Неприкосновенный запас предназначен на случай войны. Вы ведь сами это знаете.

– Так мы в полку по приезду возместим.

– Он опечатан. Нельзя вскрывать печать.

Неприкосновенный запас продовольствия, состоящий из банок тушёнки и разных каш, находился в железном отсеке с задней стороны башни. Он рассчитан был на свой экипаж на три дня. Вскрывать его можно было только в военное время.

– Давайте достанем из своих закутков всё, что припрятали на черный день, нечего быть жмотами, всё вытаскиваем на общий стол, – обратился к нам Шикармамадов.

Все полезли по своим вещмешкам, кто в свою водительскую кабину. Собрал всё-таки немного банок с кашей, нарезали хлеба и загремели ложками. Поужинали чем бог послал. Затопили печь, наломали сушняка, приготовив его на всю ночь. А в сумерках заметили – луч фонаря пробился с дороги в нашу сторону.

– Вы кто? – окликнул Кожемяко людей, бредущих из темноты.

– Полковая разведка. А вы, наверно, зенитчики? «Шилки» у дороги стоят...

– Ага! Зенитчики! – Кожа вёл переговоры с ночными тенями. – А вы не видели кухню?

– Сами бы хотели знать, куда она пропала! Тоже не мешало бы перекусить, – голос из темноты помолчал, и снова: – Мы под вечер проходили мимо, видели свинью неподалеку... А что если мы её шлёпнем? Поделится, нам столько мяса не надо.

Из палатки вылез Ибиш:

– Парни, это свинья наша, зенитчиков. Не надо её трогать!

– Хорошо. Мы поэтому и решили спросить.

Когда разведка ушла, Шикармамадов стал посмеиваться над Ибишевым:

– Так ты уже присвоил свинью, получается. Давай ещё свиначник здесь ей построим!

– После того, что я сегодня пережил, я имею полное право на эту свинью! Я ведь чуть не свалился с дерева на неё!

Мы укладывались на лежанки и долго ещё смеялись, пока нас не сморил сон. За печью присматривал мой земляк Чепелев. Не повезло ему, он был единственным «молодым» солдатом в нашем взводе на этих учениях.

Утром не было обычного «подъёма», каждый вставал, когда просыпался. Офицеры над душой не стояли, у них где-то неподалеку была своя палатка. Учения были запланированы на следующий день, так что пока можно было отдохнуть. Но в это утро нас разбудил одиночный выстрел и переполошившийся Шепелевич, залетевший в палатку:

– Парни, я кабана подстрелил. Полетай, идём со мной!

– Шепелевич, пошёл ты со своим кабаном, – сквозь сон бурчал Ибишев. – Спать не даёшь. И вообще, я мусульманин, я свинину не ем.

Я подскочил со своей лежанки, схватил автомат и помчался вслед за Шепелевичем.

По дороге он рассказывал:

– Пошёл я к машине за несессером, взял. Иду обратно, слышу за спиной хрюк. Оборачиваюсь, а за мной кабаняка идет. Присел я на колено и одиночным стрельнул в него. Он упал. И тогда я побежал за вами.

Мы подошли к месту, откуда он произвёл выстрел.

– Вот отсюда я стрельнул. А кабан вон там был, – показал пальцем охотник.

– Стой, а где кабан?

Шепелевич побежал к «Шилке», возле которой должна была лежать жертва, но там никого не было.

– Вот, видишь, кровь! Ушёл, подлюга!

Мы пошли по следу. Рана, видимо, была небольшой. Редкие капли крови обозначали путь. Но на всём открытом участке (а мы спускались от наших позиций к речке) не было видно раненого кабана. Метров через триста, двигаясь по следу, мы зашли в густую прибрежную рощу, откуда раздавалось хрюканье целого стада. Всё кругом было истоптано следами парнокопытных, стоял характерный запах.

– А вдруг секач, – пришла мысль Шепелевичу. – Пойдем-ка назад.

Мы пошли обратно. Несколько раз нам встречались зайцы. А вскоре показалось стадо косуль. Оно шло по ветру в нашу сторону и потому нас почуять не могло. Мы присели за редкий кустарник. Подпустили ближе и начали с двух стволов стрелять одиночными. Но, видимо, стрелками мы были неважными – только вспугнули стадо. Пройдя вдоль речки, мы снова заметили косуль, стоящих в ивняке. И снова охота не удалась. Раздосадованные, мы поднимались с Шепелевичем к своим позициям. Полевая кухня так и не нашла нас. Все были голодные. Нужно было что-то делать.

И тогда лейтенант Лиманов спросил:

– Патроны ещё остались?

– Есть ещё.

Мы зарядили магазин к третьему автомату. Косули, как назло, нигде не попадались. У крайней сопки разделились и пошли в обход. Не успели с Шепелевичем отойти метров тридцать, как услышали одиночный выстрел. Показался лейтенант, который махнул нам рукой. Мы побежали к нему. Косуля лежала у нижнего края сопки. Это был точный выстрел, метров со ста.

Скромный наш лейтенант, закинув ремень автомата на плечо, тихо пошёл на позиции:

– Сами дотащите... Я думаю, теперь проблему с едой мы решили.

Офицер скрылся за сопкой. А мы с Шепелевичем, взяв за ноги косулю, потащили по снегу под склоном. Она была совсем не тяжелой. На снегу оставалась полоса с кровавым следом. Мы немного не успели дотащить до места, когда услышали гул техники. Пехотный батальон занимал позиции по гребню, чуть дальше наших «Шилок». Два офицера, спустившись к нашему следу, пошли в другую сторону. Мы наблюдали за ними, сидя за кустарником. Как только они скрылись, мы продолжили свой путь.

Мяса оказалось совсем немного. Часть зажарили на костре, чтобы утолить голод. А другую часть решили поставить варить в паевке на печь ночью, чтобы с утра поесть. Нужно было только принести воды. Полевая кухня в этот день так и не появилась.

Ближе к вечеру трое ребят из нашего взвода – Чепелев, Лазько и Ибишев – отправились за водой. Автоматы с собой брать не стали, чтобы легче было идти. Вниз спустились быстро – по очереди скатывались на сорокалитровом баке из нержавеющей стали. А вот когда, как бурлаки, потянули бак на ремне вверх, то ноша оказалась весьма тяжелой. Уже спустились сумерки и легла ночная темь, а ребята всё не было. Мы вышли навстречу, чтобы им помочь. Перепуганный Лазько рассказывал, что в той роще много кабанов и что за ними в темноте крался какой-то «мяукающий» зверь. Они сожалели, что не взяли автоматы с собой.

Вечером я растопил печь, отпустив Чепелева спать. Земляк должен был сменить меня утром. Дрова нужно было бросать маленькими порциями, чтобы мясо не перебурлило. Ребята спали. Было тепло. В палатке перемешался запах

хвои и мясного наваара. Через печную дверцу отсвет огня играл на палаточной стене. Я сидел у печи и любовался огнём. Мысли мои улетали далеко-далеко к родным берегам. Кругом стояла вселенская тишь. Часа в четыре меня сменил Игорёк Чепелев. Мы знали, что утром начнутся учения, а это значит, что появятся офицеры. До их прихода нужно было успеть позавтракать. Ещё только рассветало, когда мы разлили по котелкам сурпу. Ели без хлеба, потому что он закончился ещё в первый день. Взяли по кусочку мяса, остальное решили оставить на обед.

Чепелев рассказал о том, что утром возле палатки ходило стадо кабанов:

– Хрюканье стояло, об углы палатки кабаны тёрлись. Думал, палатку свалят...

– Это, наверно, Шепелевич, они за тобой приходили, – засмеялся Шикармамадов. – Ты же кого-то из них стрельнул. Вот он и привёл своих братанов на разборки. Так и нам могло из-за тебя достаться.

Большеносый Шепелевич спросонья всерьёз воспринял шутку и не мог понять, кто за ним приходил.

– Чепелев, кого они спрашивали, Шепелевича? Мы-то им зачем, мы же по кабанам не стреляли? – продолжал игру Шикармамадов.

– Да кто они-то?

– Как кто? Кабаны! Ты же у нас охотник!

Шепелевич, наконец-то, понял, что с ним шутят, и начал смеяться.

Так начиналось то утро. Доесть мы не успели, потому что появились наши офицеры.

Майора Чакина мы услышали издалека:

– Смотри, как тут свиньями всё угажено! Свинарник развели солдаты-на, – он приоткрыл палатку: – Где замкомвзвод-на? Шикармамадов! Постройте солдат у палатки. Сейчас получите задание. А нам нужно посоветоваться с товарищами офицерами.

Мы стояли в две шеренги, дожидаясь, когда закончится совещание офицеров. Из палатки был слышен голос майора.

Он отдавал последние распоряжения, когда заметил стоящую на печке паевку:

– А это что здесь? – затих, видимо, выискивая ложку, попробовал. – Неплохо!

Неплохо, говорю, солдат кормят-на! Ну, всё, товарищи офицеры, задание ясно?

– Так точно! – в один голос ответили комбат Селиванов, взводный Лиманов и зампотех батареи Самойлов.

– Ну, вы идите! А мне надо ещё здесь побыть, подумать над дальнейшими действиями.

Нам дали приказ «приготовить машины к бою», и мы пошли к «Шилкам». Расчехлили стволы, запустили подогреватели, завели двигатели. Всё было готово. Волновали два вопроса: осталось ли что в паевке и что делает в нашей палатке командир дивизиона. Мы подошли и услышали крепкий храп. Кожемяко проник внутрь и вытащил паевку на улицу – в ней оставался бульон и всего пара кусочков мяса.

Кожа склонил набок голову по-чакински и изобразил Серёгу:

– Не солдаты-на, а все как один ублюдки-на! Незачем кормить их мясом-на...

В обед началась у нас «войнушка». Я сидел в задраенном люке. Открывать задвижку на смотровом окне «по-боевому» не было смысла, потому что через метр была снежная стена. Боя мне не было видно. Слышал, как надо мной тарахтят

стволы, свистел газотурбинный двигатель, а поодаль работали БМП пехотного батальона.

Вскоре стрельба закончилась. Мы выгнали машины на дорогу, поставив в колонну. Разобрали палатку, погрузив весь этот наш цыганский скарб на броню, и отправились к месту полкового сбора. Там мы нашли полевую кухню и наелись за все три дня.

А в сумерках, когда мы, замыкающие колонну, на зыбком подъёме отстали от пехоты, через дорогу пробежало около десятка кабанов. Я видел, как замахал руками комбат, примостившийся на месте командира впереди идущей «Шилки». Говорили, что у него было огромное желание «пальнуть» по этим непуганым зверям из всех четырёх стволов. Им повезло, что «Шилка» медленно ползёт в гору и что у нас были зачехлены стволы.

ЗИМОЙ ВО ВСЕБОРЖИЦАХ

Несколько дней после Доупова мы провели в полку и отправились на два месяца на зимние учебные стрельбы во Всеборжицы. Снова поставили палатки на квадраты фундаментов, настелили сосновых веток на нары, затопили печи. Конечно же, зимой совсем другие впечатления от этого места. Озёра уже замёрзли, и по ним не плавали лебеди. Не было черники в лесах. Сосновый бор стоял припушённый снегом. Было белым-бело. А в солдатской столовой гулял жуткий ледяной сквозняк. Только в палатке радостно было, когда вовремя протоплена печь. У молодых солдат была вполне сносная жизнь – никто над ними не издевался, ночами их не строили для чтения «Сказки дедушке», а утрами они не развлекали «стариков» потешным «утром в деревне». Весь этот театр – на любителя. Нужно иметь низкую душевную организацию, чтобы получать удовольствие от сего представления. Ни Шикармамадову, ни Почуеву, этим образованным и весьма грамотным ребятам, лидерам своего призыва, не по душе был этот балаган. И при этом дисциплина в батарее была железная, гораздо лучше, чем при Медеркулове. Шикармамадову достаточно было бросить строгий взгляд, чтобы поставить на место подчинённого. Своим полушёпотом он произносил приказ или просьбу, и подчинённый «летел» его выполнять. Как ему удавалось держать под контролем всю эту разношёрстную ораву? Зато наш примитивный Ларчук, который ещё недавно летал по казарме, как «заводной слоник», вдруг почувствовал себя «человеком». По сроку службы, конечно, он мог стать человеком в нормальном его понимании, но куда девать натуру – ущемлённую, ежедневно унижаемую на протяжении целого года? Когда у тебя нет ни ума, ни культуры, ни воспитания, то сложно вернуться обратно, к себе – прежнему, нормальному, и, тем более, уже не вернуть авторитет. Помню, как его угрюмое лицо зависло над моим плечом, когда я писал письмо. Я отключился в думах о доме и заметил Ларчу только тогда, когда услышал над ухом ехидный голос, читающий строки по слогам: «У ме-ня фсё ха-ра-шо!» Ох, если бы меня не оттащили сослуживцы! Лара почему-то вдруг посчитал, достигнув года службы, что он нам ровня – Гайдамакову, Кожемяке, Лазько, мне или Аристотелю, тем, кто достойно «тащил» свою службу. Он не мог стать таким по определению, по своей душевной организации. Он сразу принялся угнетать «молодых». Тот самый набор слов, который применяли к нему «деды», он использовал в обращении с нашими молодыми солдатами.

– Слон, сигарету! Резво метнулся!

Как-то он подошел к Чепелеву, бросил ему хэбэ:

– Слон, подшил быстро подворотничок!

Чепелев с удивленной улыбкой и без страха посмотрел на него.

Меня возмутила наглость этого возомнившего о себе пройдохи. Ещё при мне не унижали моих земляков! Я чётко помнил наказ моего старшего друга Владика Кученёва – поддерживать своих. И не забыл, как он один из-за моей парадки раз метал по казарме нескольких зарвавшихся «дедов». Что был для меня Ларчук!

Я забрал его хэбэ и бросил на пол:

– Не дай Бог ты ещё к нему подойдёшь!

– Полетай, но ведь мои земляки подшивают, а твой чё, особый?

– Мой – особый! Я тебя предупредил!

Лара то в одном месте получал под дых, то в другом месте его «ставили на место».

Кожемяко, острый на язык, поддевал Лару, напоминая о его прошлом:

– Быстро ты нюх потерял! Даже подшить свое хэбэ не можешь! Давеча ты, как кутюрье, чуть ли не всю казарму обшивал...

– Это раньше было. Зачем вспоминать?

– Так вот ты не забывай, кем ты был! – напоминал ему Кожа.

Однажды даже Шикармамадова возмутило поведение Лары. Замкомвзвода аккуратно подтянул Лару к себе за грудную пуговку и шепнул ему на ухо:

– Расчувствовался? Опять в «слоны» захотелось? Можем помочь!

После этого Ларчук угомонился. Второй, вечно угнетаемый по «молодости», как и Лара, новоиспеченный «кандидат» Ногтев был совсем другим. Это совершенно другой психологический тип человека, в котором не было «стержня». Он был жалок. Эта рыхлая телесная масса, слабая физически, не имела и за душой ничего мужского. Он не мог сказать «нет», не имел своего мнения и готов был безропотно сносить любые унижения. И если бы ему сказали, что ему придётся до самого дембеля быть «слоном», то он послушно бы тянул до конца свою «слонячью» лямку. Для молодых солдат он был безопасен, вреда им причинить не мог. По сути, и злиться-то он не умел, не был злопамятным, а потому и не мог отыгрываться на «молодых», как это делал Ларчук.

Снова в учебном лагере во Всеборжицах я встретил своих сослуживцев из Отара: каптёрщика Одессу – Юрку Мананкова, «ложкаря» Пашу Руснака и Серика Сакенова. Ребята заметно возмужали. Паша, как и прежде, был «безлошадным», машина до сих пор находилась на ремонте в Союзе. А Юрка, с присущей ему деловитостью, давал распоряжения экипажу, словно сам был его командиром. Серик был такой же невозмутимо спокойный, каким он мне запомнился с самого начала. Все мы по несколько раз в день пересекались. Иногда мы наперегонки бежали по тревоге, на ходу приветствуя друг друга. И только вечером, после дневных поездок, мы могли спокойно поговорить. Ближе всех мне был, конечно же, Одесса. И не только потому, что мы когда-то служили в одном взводе. Был он с характером, всегда неутомим, изобретателен и весел.

Первое время нас почти каждое утро поднимали по тревоге. Мы, механики, первыми бежали, чтобы завести свои машины. В одно морозное утро у меня не

стал запускаться подогреватель. Ибиш, зацепив меня на трос, вытянул за территорию стоянки, а Володя Почуев подогнал свою «Шилку» сзади и развернул её. Сняли бронировку с двигателя.

Старший механик-водитель командовал:

– Натягиваем тент.

Мы с Лазько накинули тент и приподняли один край. Почуев завёл газотурбинный двигатель. Мы поставили машины на пригорке так, чтобы задняя часть его «Шилки» была выше моей машины. Поток горячего воздуха через сопло ударил с такой силой, что мы едва удерживали надутый, как парус, тент. Свистела турбина, нагнетая тепло, которое поступало к двигателю. Через пару минут я завёл машину. Мы стали в колонну и поехали в поля. В кабине моей было тепло. Экипаж в башне, не имея печки, замерзал, выполняя приказы комбата. Мы остановились в метельном поле на «перекур». Лазько с розовым замёрзшим носом попросился погреться в моей кабине. Я выпрыгнул, уступив ему место. Кожа и Эдик Гайдамаков стояли в очереди. Шикармамадов отогревался в кабине у Почуева. Мы, механики, стояли на снегу, а ребята наших экипажей по очереди забирались в наши кабины.

В конце концов и этот день прошёл. Вечером мы все отогревались в тёплых палатках. Поддерживать огонь в печи входило в обязанности «молодых». Ночами они меняли друг друга.

Как-то ночью, когда на улице была пурга, я услышал, как поскрипывает наша труба. Этот скрип показался мне подозрительным. У печи, на дровах, сидел земляк Чепелев и дремал. Дрова в топке уже почти прогорели. Я выглянул из палатки и обнаружил, что за нашу трубу ухватился высокий солдат в шинели и спал стоя. Когда он погружался в сон, трубу начинало кренить, он вздрагивал и останавливался, чтобы не упасть. Потом его «вело» в обратную сторону. Так по определенной амплитуде «гуляла» наша труба с пригревшимся возле неё солдатом. Это был Целка из второй батареи. Спутать его с кем-нибудь было трудно. Высокий, худой, безобидный парень. Он один умел спать даже на ходу. В это время Целка должен был стоять дневальным на «тумбочке». Это место находилось напротив нашей палатки метрах в десяти. Примерно на этой же линии стояли и дневальные зенитчиков других полков. Но за снежной круговертью не было никого видно. Я незаметно вышагнул из палатки, поймал солдата за локоть и потянул за собой в палатку. Послышалось полусонное мычание. Пришлось на него «цыкнуть», чтобы он никого из наших ребят не разбудил. Получилось, будто я «снял» часового на посту. Я толкнул Чепелева в бок: «Игорёк, иди спать!» И усадил на его место Целку.

– Тебе сколько ещё стоять?

– Да я только заступил. Часа полтора ещё.

– Хорошо! Вот они дрова, а вот она – печь. Заморозишь нас, пеняй на себя!

Всё понятно?

– Понятно. А если...

– Тогда скажешь, что «приспичило». Заблудился в пурге. Кому ты сейчас нужен?

Я хотел «продлить контракт» на протопку печки и на следующего дневального, но им, как сказал Целка, оказался комсорг Кондратьев. Из москвичей Кондрат и Акула мне не внушали доверия. Комсомольский работник Кондратьев мог

профессионально меня «сдать». Поэтому я посчитал, что пусть лучше комсорт мёрзнет и по-честному на улице несёт свою службу.

– Перед уходом разбудишь вот этого. За ногу тронешь, скажешь: «Ветерок, на печь!»

– А это Ветров Саня?

– Ага! Только ногу не перепутай! Рядом Ибиш спит! Лягнет, мало не покажется, – я разулся, прежде чем забраться на нару. – В следующий раз тоже заходи на огонёк. Тебе можно. Сам знаешь: «Солдат спит, а служба идёт!»

ТРОЕ С ВОШКАМИ

Несколько ночей мне приходилось ходить к машине и прогревать двигатель, потому что сломался подогреватель. Для того чтобы выточить деталь, необходимо было ехать в полк, а наш БТР ходил туда не каждый день. Нужна была уважительная причина.

В первую ночь я, приподняв чехол над своей кабиной, забрался внутрь и завёл двигатель. Вскоре услышал, как часовой бьет прикладом по крышке люка.

Я открыл:

– Не переживай, не угону! Двигатель нужно прогреть, а то подогреватель не работает.

Это оказался парень из экипажа Одессы Богосудовского полка. Я его предупредил, что утром приду ещё раз. После таких ночей день казался длинным.

«Бедой» я в шутку назвал то, что случилось в ночь на выходной после банно-прачечного дня субботы. Была оттепель – своеобразный весенний день среди зимы, с солнцем и капелью. Нас повел в баню наш завхоз, прапорщик Дробышев – в какую-то воинскую часть, что стояла в паре километров от нас. Мы шли по снежной дороге, перепрыгивая лужи, шагая не в ногу, только создавая видимость воинского соединения. Дробышев, этот большой специалист в хозяйственных делах, не имел командного голоса и обладал мягким, отходчивым характером. Заметив, что его всерьёз не воспринимают все, кто отслужил больше года, он попытался построить нас и заставить шагать по просёлочной дороге. Тут «деды» разыграли его, сделав вид, что подчиняются.

– Шагаем, ребята! – подмигивал Шикармамадов Почуеву.

– Конечно! Нужно поддержать товарища прапорщика, – подхватил тот, и эта игра передавалась на всю батарею.

– Выше ногу, – пытался поспеть за всеми долговязый Ибишев.

Прапорщик, зардевшись лицом, видя поддержку старослужащих солдат, радостно командовал: «Вольно!»

В бане нам выдали новое бельё. Ощущение лёгкости и чистоты после бани долго не покидало меня. Запомнился обалденный запах чешского мыла, который кто-то захватил с собой, купив в магазине. Шли и «пахли». Дробышев шёл рядом с колонной, разговаривая с нами «по душам». В ту же ночь я почувствовал неприятное ощущение, от которого несколько раз просыпался, а утром обнаружил лобковую вошь. С этой «бедой» я пришел к нашему врачу и доложил ему.

Вскоре меня вызвал комбат в офицерскую палатку. Был он, как всегда, без настроения и явно недоволен сообщением о моем «приобретении»:

– Ну, я жду, солдат... Рассказывай, когда в самоволку бегал? Куда?

– Да я никуда не бегал. Нечего рассказывать!

– Тогда откуда ты м.....вошек приволок?

– Это и для меня секрет, откуда они взялись?

Комбат с недоверием глядел на меня, выжидая, когда я расскажу «всю правду».

– Колись, солдат, – остро улыбнулся Селиванов.

Я молчал.

Военврач, что стоял рядом, вступился за меня:

– Я осмелюсь предположить, товарищ капитан (комбату дали очередное звание), что это не то, что вы думаете. Это не «плод» романтических походов, а самая заурядная «лобковая вошь», – он произнёс название по латыни. – От неё ни вы, ни я не застрахованы.

– Тогда я в полном недоумении, – поднял вопрошающе руки ладонями вверх комбат.

Военврач повернулся к стоящему рядом завхозу:

– Товарищ прапорщик, вы когда поменяли бельё солдатам?

– Вчера!

– Значит, товарищу Полетаеву повезло больше всех. Ему досталось бельё с «подарком».

– Так оно же чистое было! – пытался вставить слово Дробышев.

– А разницы нет никакой. Лобковая вошь прячется в швах. При обычной стирке её выпарить практически невозможно. Так что солдат здесь ни при чём.

– А я-то, было, подумал, с чего бы это? Ведь солдат-то чистюля, любо-дорого посмотреть, – запричитал завхоз. – Редкий чистюля, вот что интересно! Весь с иголочки, как говорится, одет. И на тебе – вошь! – слово «вошь» он произнес с брезгливостью, перекосившей его лицо.

Комбат отеплил душою, узнав, что моей вины в том нет.

– Товарищ прапорщик, когда у нас в полк идет БТР?

– Мы завтра планируем его отправить.

– Готовьтесь, товарищ рядовой, завтра в санчасть, в полк поедете.

– Есть, товарищ капитан!

В тот же день ещё двое обратились с той же проблемой. Лазько долго мялся, боясь мне признаться в столь «интимной» теме. И лишь узнав о схожей проблеме у меня, обрадовался, что он не одинок. Третьим был его земляк из Запорожья – осенью пришедший из учебки младший сержант Ветров.

Комбат, узнав о наплыве «заеденных вошью» солдат, язвительно заметил:

– А ведь все трое – рыжие! Вошь поела только рыжих! – это открытие он огласил вслух. Нашёл глазами завхоза. – У нас больше не осталось рыжих в подразделении?

– Да вроде нет, – замялся Дробышев, вспоминая солдат нашей батареи.

– Товарищ прапорщик, завтра утром доставьте эту рыжую троицу в полк на излечение, пока они все подразделение не заразили.

– Есть, товарищ капитан! – отрапортовал завхоз.

Ночь была бессонной, заедала вошь.

Утром мы, сидя на тюках грязного белья, ехали на бэтэре в сторону родного полка. Дробышев подрёмывал на сиденье. Плавнo бежала на мягком ходу по асфальту бронированная машина. Мы были радостными оттого, что уехали подальше

от комбата, хотя нас изводила проклятая вошь, но от неё мы всё же надеялись вскоре избавиться. Прибыв в полк, мы не пошли в санчасть, а решили лечиться «подручными» средствами. Кто-то из наших знающих ребят подсказал «стопроцентный» способ борьбы с одолевшими нас насекомыми. Прежде всего мы отправились в парк боевых машин. Там я нашёл Ворогушина, земляка из ремроты, попросил его выточить деталь для подогревателя. Набрали ведро солярки и отправились в казарму. С Дробышевым мы заключили словесный контракт о том, чтобы он нас не тревожил в течение суток, а мы «выздоровливаем» к отбытию бэтэра назад. Он выдал нам списанные простыни, как мы и договаривались. Казарма почти пустовала, только несколько человек слонялось по ней – истопник да пара «вечно больных» доходяг. Одним словом, они «балдели», «отбившись от рук», пока мы рысачили по полям «на броне», родину защищая. Пришлось наладить дисциплину, напомнить, что они не на курорте, а в армии. Заслали их в столовую за получением наших пайков. В умывальной комнате мы устроили «цирюльню» с выбриванием волосяного покрова по всему телу, начиная от подмышек, уже оккупированных хищными насекомыми, до самых пят. Мылись соляркой – самым первым средством в нашем деле. Въедливая вошь спешно покидала свою кормовую базу, ссыпаясь на бетонный пол. Завернувшись в простыни, мы ходили по казарме, словно после бани. Поужинали и сразу отбились. Не на постелях легли, чтобы их не испортить, а на каком-то старье, что выделил нам завхоз. Как мы крепко спали в ту ночь! Никто нас не мучил, не кусал. Проснулись абсолютно счастливые – ни вшей, ни комбата, – вольные казаки! Утром нам снова организовали пайки, согрели тёплую воду, и мы помылись с хорошим мылом. Весь хлам, что пропитался соляркой, вынесли на мусорку. Полы в умывальной комнате залили хлоркой, чтобы нам уже ничто не напоминало о нашей печальной «эпопее». Подшились, нагладились, как «новые копейки». У нас ещё в запасе было полдня. Впервые за всю службу в закупском полку никто не стоял над душой, и мы свободно передвигались по территории. Я навестил своих земляков в пехоте и автороте. А к вечеру бэтэр снова повёз нас в учебный лагерь во Всеборжицы.

ТАТРЫ. ЗАКУПИ. «ВЕСЕННИКИ» ИДУТ НА ДЕМБЕЛЬ

Второй год службы не идет ни в какое сравнение с первым. Теперь не надо было выживать и «летать», проводить время в сомнамбулическом состоянии невысыпаемости. Всё шло по накатанной дороге. День прошёл, и слава Богу! Этот период службы – от года до полутора – словно выпал из сознания своим тихим мирным течением. Да, ездили опять в Татры, выгружались на станции Кежморок. Снова повстречался там со своими сослуживцами из Отара. Стрельбы прошли без срывов. Шикармамадов настроил всех так, чтобы выложились с полной отдачей, ведь это были последние «дембельские» стрельбы весеннего призыва. По заведённой традиции они повесили на одном из деревьев в сосновом лесу Татр свой дембельский щит. Благополучно вернулись в полк. Помню, что этой зимой теплолюбивый азербайджанец Ибиш замерзал больше всех и мечтал о весеннем тепле. Придя из боксов, он сразу же забирался с ногами на мощную трубу отопления в комнате-сушилке и блаженно грелся. Над ним подтрунивал старший механик-водитель Володя Почуев, и мы смеялись вместе с этими ребятами, чьи отношения за время службы стали похожими на братские.

Запомнился ещё один эпизод, что коснулся непосредственно Почуева Володи. Ему в порядке исключения за добросовестный труд командованием дивизиона разрешалось носить усы. К той поре у нас сменился командир полка. Вместо любимого нами образцового полковника Кудинова пришёл офицер, чья фамилия у меня стёрлась из памяти вскоре после службы. Как говорится, новая метла по-новому метёт. Этот новый командир не вызывал никаких симпатий ни своим видом, ни делами. Мы его восприняли как недоразумение. Чётко отлаженный прежним командиром механизм ещё работал по инерции, но он достался не такому даровитому руководителю. Невысокий, сутуловатый, он вышагивал к построенному на плаце полку на кривых, согнутых в коленях ногах. Этот первый «выход» к построению был встречен ехидным смешком наших дембелей: «Мы-то свое отслужили, а вы послужите с новым командиром!» Но некоторые из дембелей тоже попали «под раздачу». Вскоре «сверху» была предпринята попытка «усиления дисциплины». Замполиту полка попал в поле зрения рядовой с усами: «Не положено! Немедля сбрить!» Пришлось Володе сбрасывать усы. Сразу же «опустело» лицо Почуева, потеряло тот шарм, что придавали ему усы. Вместо элементарной благодарности за тяжёлый солдатский труд всех «подстригли под одну гребёнку», что весьма оскорбило дембелей. Но стечение обстоятельств сыграло на руку Почуеву. Дело в том, что той весной демобилизация была сдвинута на более поздние сроки, и усы успели отрасти. На полковые построения он перестал ходить, каждый раз находя веские причины, чтобы только «не мозолить глаза» большому начальству.

Сам майор Чакин, командир дивизиона, постарался устранить такую несправедливость по отношению к этому авторитетному честному солдату. Увидев, что на дембель рядовой Почуев уходит с третьей классностью механика-водителя, возмутился:

– Это что за дела-на, не понимаю? Профессионал в своем деле, а уходишь без первой классности. Скромный, где не надо-на.

Специально для Почуева он добыл значок с «единичкой» и вручил.

– Ты «мастера» заслужил, да только такого значка нет. Смело едь на дембель, будут снимать, а ты им так и скажи, мол, майор Чакин лично тебе его дал!

Конечно же, это была не та награда, которую обещал Чакин, когда Почуев с Ибишевым в Татрах несколько дней восстанавливали на морозе двигатель. Но и это внимание чего-то стоило.

Всё свое свободное время «весенники» тратили на подготовку к дембелю – наглаживали парадную одежду, вытаскивали чемоданы, в сотый раз перекладывая заграничные покупки. Почти у каждого были электронные часы с калькулятором – «крик моды», душистое мыло, одеколон «Фараон», разные сладости, которых в Союзе не видели, чешские вафли, которые, если поджечь, горят, выделяя чёрный дым, музыкальные коробки конфет, всеразличные жевательные резинки разных форм – прямоугольниками или в виде сигарет в пачках. В общем, почти у каждого ломились чемоданы от разного «заморского» барахла, что было в диковинку на просторах нашей страны.

И вот наконец-то началась долгожданная демобилизация весеннего призыва. Каждый день дембеля ходили к штабу полка, где вывешивали списки тех, кто улетает на следующий день. Почуев и Ибишев не торопились, ещё не пришла их замена – механики-водители домой улетают последними. Они провожали вес-

свой призыв. Старший сержант Шикармамадов мог уволиться в запас старшиной, но по эстетическим соображениям ему не нравилась одна широкая полоса вдоль погона. Любо-дорого посмотреть на него, одет с иголочки, с осиной талией. Смуглый красавец обнялся с нами, «новыми дедами», дав каждому на прощание напутствие, и пошёл в окружении своего призыва до КПП. На следующий день ушли той же дорогой скромный Ерёма и «тормозной» Вася Крецул. Повёз на родину от меня поклон семипалатинец Мурат Кусаинов. Округлый и приземистый как бочонок, Фахри Софиев поехал к себе в Азербайджан. Всё меньше оставалось дембелей. Наконец пришли механики-водители «Шилок» – оба из Украины. Оба «тормоза», один хлеще другого. В первую же ночь один из них подпустил струю со своего второго яруса на дембеля. Среди ночи послышалось журчание и шум. Почек подскочил со своей «подмоченной» кровати, скинул заикающегося Кандыбу «с небес на грешную землю»:

– Ну-ка, родной, пошли в умывальник. Бери моё одеяло, мыльце и стирай. Я даже руки об тебя марасть не буду, я уже почти гражданский человек.

Полусонный Кандыба на ходу засыпал с куском мыла в руках, сидя на корточках на кафельном полу, но Почек стоял над душой.

– Шевелись, не тормози!

Володя поднял второго молодого механика-водителя, чтобы помог Кандыбе отжать одеяло, после чего разрешил им отбиться. Сам же он больше не решился спать на своем месте, пошёл на свободную кровать. Утром вся казарма знала о ночном происшествии, посмеивались, но без ехидства, чтобы не обидеть дембеля.

Володя подошёл ко мне и с сочувствием произнёс:

– Да, не повезло тебе! Теперь ты будешь старшим механиком-водителем. Ну и «тормоза» тебе достались. С ними железное терпение нужно!

На другой день мы провожали последних наших дембелей – Почуева и Ибишева. Высокий Ибиш, как цапля, шёл своим длинным нерасторопным шагом. У Володи румянились от волнения щёки. Аккуратные усы украшали его мужское лицо. Зампотех батареи тоже шёл с нами. Он после осмотра штабным офицером дембелей на «уставную» форму одежды незаметно передал им чёрные погоны, которые мы, как и танкисты, честно заслужили. В пехотном полку все должны были носить светло-красные. Но мы не были пехотой. Каждый наш «дед» заранее готовил чёрные. До штаба все шли с «пехотными» погонами. По договору с каким-нибудь своим офицером после осмотра вещей и формы одежды дембеля незаметно получали свои «дембельские» чёрные. Механиков-водителей обычно «выручал» зампотех. Самойлов считал своим долгом хоть чем-то помочь непосредственно подчиненным ему солдатам, честно отслужившим свои два года. После осмотра Почуев и Ибишев пошли к автобусу под общий свист провожавших.

МЫ – ДЕДЫ! ПОПОЛНЕНИЕ

В тот же день, когда казарму покинули последние дембеля, мы по традиции совершили «перевод» – инициацию перехода в другой статус. Теперь я переместился на кровать в углу, туда, где спал замкомвзвода Медеркулов, а затем – замкомвзвода Шикармамадов. Я лежал на животе поверх одеяла, а один из недавно прибывших молодых солдат «бил» сложенной в несколько рядов ниткой

по подушке, что лежала на моих ягодицах. На каждый «удар» я покрикивал, изображая боль, как это полагалось при переводе в «дедушки». Восемнадцать «ударов» – по числу месяцев, проведённых в армии. Кожемяко артистичнее всех кричал – настоящий талант, всех рассмешил. Аристотель, Гайдамаков, Лазько, Партос, Ваня Колопунь, Петя Пьянко, штабной работник Козырев. Последними перешли в новый статус Лара и Ногтев. Намотав ремень на руку, мы пошли «переводить» в кандидаты ребят, отслуживших год. Под тяжестью Чепелева скрипел табурет, когда он согнулся для получения своих двенадцати «пряжек». Жалеючи, по-землячески, я «перевел» его в кандидаты, ударяя чувствительно, но не во всю силу. Кожемяко бил от души: «Аж чтобы ягодицы звенели, чтобы всю жизнь помнили!» По всей казарме раздавались «охи» и «ахи», гулкие удары солдатской пряжки. В другом конце казармы из хоззвода был слышен ломаный русский язык с грузинским акцентом. Это Шелия «кричал дурниной», получая восемнадцать «ударов» ниткой. И когда он «переводил» своих молодых ребят, раздавалась эмоциональная речь с крепкими грузинскими словами вперемежку с русскими. За «взлёткой», во второй батарее, тоже нашлось немало актеров, умеющих хорошо повеселить публику. Механик-водитель БМП-2, азербайджанец из Карабаха Зафар Магомедов развеселился не на шутку. Жизнерадостный москвич Леуха, оптимист по жизни, тоже механик-водитель БМП-2, получив своих восемнадцать «ударов» ниткой, «переводил» в кандидаты земляков – Акулу, Целку и Кондрата. Пашка Реус, «летавший» по «молодости» не меньше других, не жалел силы, переводя «слонов» в очередной статус. Его земляки, тоже из Западной Украины – сержанты-«деды» Тарас Сидор и Бобровский Володя, поставив несколько табуретов в ряд, организовали целый конвейер по переводу «слонов». В ту ночь отбились далеко за полночь.

Теперь наступило наше время, мы – «деды»! На утреннюю зарядку можешь бежать, а можешь не бежать, а пройтись, не напрягаясь, где-нибудь за территорией полка. Многие «деды» так и делали. Теперь над душой никто не стоял, выше нас были только офицеры. Но они старались с «дедами» не связываться, если на то не было веских причин. Я хорошо помнил, как наш комбат «заступался» за нас, когда мы только пришли в часть молодыми солдатами. Я ждал этого часа. Долго ждал. Ну что ж, товарищ Селиванов, теперь будет так, как мы хотим. Беспредельной дедовщины с позволения товарища капитана теперь не будет. По крайней мере, я постараюсь это сделать. Мы всем нашим призывом постараемся. За молодыми остается только то, что касается «грязных» работ – уборки в казарме, туалете, на территории. А также всей «внешней» стороны жизни – шаг в строю, пение песни, сидение в столовой не в центре стола, а с краю. Унижать личность у нас строго воспрещается. Дисциплины можно добиться без рукоприкладства, я в этом чётко уверен. Ночные подъёмы «для вразумления» только в крайнем случае. Глупую «Сказку дедушке» – забыть!

В этот раз много пришло в нашу батарею молодых ребят из Казахстана после «учебок» – шесть человек! Из Актюбинска, Караганды, Алма-Аты, Кызылорды. Кызылординец, младший сержант Исмагамбетов, был выше меня на голову. Это был стройный плечистый парень, очень серьёзный, сдержанный. Саня Васильев из Актюбинска – крепкого спортивного сложения, он на гражданке занимался тяжёлой атлетикой. Карагандинец Андрей Егоров – симпатичный, улыбчивый русоволосый паренёк. Турок – Нажипов Нуродин, он же Нурик, призвался из-

под Алма-Аты. Он был невысоким и худым – в чём душа держалась, и притом редким весельчаком. Если учесть, что полгода отслужили под моим присмотром шесть ребят из Киргизии, то под моей опекой теперь было двенадцать человек. Я с каждым поговорил в отдельности и дал тот же самый наказ, который мне завещал Влад Кученёв: «Служить достойно, в обиду себя не давать и не борзеть. Я всегда поддержу». «В довесок» к нам определили еще «великовозрастного» Сардора Каримова из Узбекистана, чем озадачили наш призыв. Он был старше нас лет на семь, успел окончить технический институт, поработать на заводе, где в его подчинении было больше сотни человек. Так как в учебном заведении не было военной кафедры, по закону он должен был служить рядовым всего год. Полгода он уже где-то отслужил и на дембель должен был уходить вместе с нами. Перед «дедами» стал вопрос – а как с ним быть? По сроку службы он «слон», а по времени демобилизации – «дед». Возраст в таких случаях значения не имеет. Решили его не трогать – пусть готовится к дембелю, главное, чтобы соблюдал субординацию – уважал тех, кто больше его отслужил. Был он высоким и худощавым, просил называть его Сашей. Неплохой парень, самостоятельный, воспитанный и уверенный в себе. Лишь однажды он позволил высокомерную выходку по отношению к молодому солдату, видимо, забыв, что он не начальник на заводе. Заметив это, мы с кем-то из сослуживцев подошли к нему и сделали предупреждение: «Саша, ты такой же рядовой, как и он, и отслужил столько же. Если ты не работаешь вместе с ним, так это наша воля, а не твоя заслуга. Живи спокойно, никого не трогай». Этого было достаточно. Примерно через месяц в столовой рядовой Каримов сделал замечание прапорщику пехоты за то, что тот небрежно бросил кусок хлеба. С большим трудом ситуацию урегулировали на месте при немалом стечении народа.

Был Саша человеком принципиальным и порядочным. Как-то он рассказывал: – У нас в Узбекистане не то чтобы хлеб на улице валялся, у нас яблочного огрызка не увидишь, потому что народ так воспитан. Вот один раз идём с отцом по улице, я тогда ещё подростком был, а он уже на пенсии, и вдруг отец стал что-то собирать на дороге. Движение застопорилось, люди смотрят. Он плохо видел, думал, что это размокший хлеб, а там губка валяется. И даже когда огрызок фрукта где лежит, отец поднимет и бросит в огород или в траву. Он нам привил уважение к хлебу и к труду.

Таким был у нас Сардор Каримов.

НАСТОЯЩИЙ ДЕСАНТНИК

В городе Дечине, где находился ближайший госпиталь, стояли наши десантники. Оттуда к нам и прислали дослуживать свой срок одного разбитного солдата. Звали его Иваном, фамилия – Колыванов. Наш остроумный Серёга Кожемяко так и пригвоздил к новичку прозвище – «Иван-Колыван». Был Колыван, как и мы, «дедушкой». За что его «сослали» к нам, никто не докладывал, а он упорно молчал, грубо обрывая любознательных: «Не ваше дело!» Было за душой у него то, о чём он не хотел рассказывать. Из «крылатой пехоты» «приземлили» в нашу, самую что ни на есть земную пехоту. Из одной части в другую просто так переводить не будут. Мне известны только случаи, когда это было последней мерой, чтобы не посадить солдата в тюрьму или дисбат. Так

и оказалось. О нём я узнал, когда лежал в Дечине в госпитале, перед самым дембелем. Но об этом в свой черёд.

Комбат Селиванов не сильно был рад новому подчинённому. Он наверняка знал по сопроводительному документу, за какие «прегрешения» к нам попал этот десантник и чего можно было от него ожидать. Мало того, что с нашим призывом у комбата были напряжённые отношения, так ещё и постороннего бойца с криминальной репутацией прислали!

Колыван был роста чуть выше среднего, плечистый, крепкий, имел на голове и шее шрамы – следы своего «боевого» пути. Притом это была оригинальная натура. Его мало интересовал внешний вид, он не был «ушит», форма мешковато сидела на его крепком теле. Внешним видом он почти не отличался от «слонов», разве что расстёгнутыми пуговками на хэбэ гимнастёрки да приспущенным ремнём. Койку он занял на втором ярусе, считавшемся «слонячим». Он не стал разбираться, кто здесь старослужащий, а кто нет, окликнул первого проходящего мимо солдата, чтобы тот подошёл к нему. Им оказался Партос из нашего призыва, крепкий, раскормившийся на солдатских хлебах детина.

– Чего хотел? – ущемлённый обращением, спросил Партос.

– Слышь, боец, организуй сигаретку! – чем огорошил нашего сослуживца, который от такой наглости сначала впал в ступор, а потом всё же нашёлся.

– Слона нашёл, что ли? Это не ко мне! – и сразу же отправился к нам.

Давно я не видел Партоса таким взвинченным.

– Послушай, Полетай, – обратился он ко мне, – новенький меня «бойцом» назвал и попросил «организовать сигаретку»! Представь!

Кожемяко, что стоял рядом, хлопая большими ресницами, съязвил:

– Ну, а чё тут такого? Не понимаю. Сгонял бы за сигареткой... Видишь, человеку курить захотелось. Уважь новенького.

– Ты это, Кожа, всерьёз?

– А то как же! Он не поздоровался, не узнал, чем дышит наша зенитка, что почём в нашем подразделении, а уже командует – подайте ему сигаретку! Да, главное, начал не со слона, а сразу с деда. Борзый парень! Может, устроим «праздник» этому десантнику?

– Не кипятись, Кожа! – успокоил я всплывшего Кожемяку. – Давай дадим ему время показать себя, подождём немного. Может, он на новом месте подрастерялся немного, чудит с непривычки. Остудить пыл ему мы всегда успеем!

На том и порешили. Жизнь в подразделении по-прежнему текла своим размеренным ритмом. Молодые привыкали к своим обязанностям, никто их не мучил ночами с позами «думать». Комбат в наше отсутствие задабривал их ласковым словом, пытаясь вывести на откровенный разговор о неуставных отношениях, выявляя малодушных. Но таковых не нашлось. На одном из политзанятий он попросил молодых высказаться об атмосфере в дивизионе. Встал худощавый москвич Никифоров и довольно смело заявил комбату, что он мечтал служить именно в таком подразделении, где старослужащие солдаты терпеливо помогают молодым освоить боевую технику и прочие навыки. Он перечислил некоторых, в том числе и меня. Это был умный ход – и «дедов» перед капитаном выставил в нужном свете и, как говорится, заработал плюс против своей фамилии. Селиванова не совсем радовали такие отношения, ведь его заслуги в том не было никакой, а значит, его авторитет уже начинал уступать коллективному авторитету «дедов».

К тому же набирал силу Лиманов, этот справедливый и честный лейтенант. Он тоже не покорялся своенравному комбату, частенько «показывал зубы» и был гораздо более уважаем солдатами, чем Селиванов.

Кольванов всё же был странноватым, жил особняком. Единственным человеком, с кем он нашёл общий язык, был Ногтев, который никогда не имел «веса» среди нас. Но и здесь, как мы заметили, не было серьёзной мужской дружбы. Их скреплял какой-то общий интерес. Частенько они перешёптывались или уединялись скрываясь от наших глаз. Вскоре кто-то из дедов заметил, что Гешка Ногтев купил крутые наручные часы с калькулятором. А в его дембельском чемодане появились интересные вещички – одеколон «Фараон», музыкальные конфеты, чешские сладости в упаковках. У моих сослуживцев возник вопрос, откуда деньги у нерадивого солдата. Ведь он как рядовой получал всего семьдесят крон (в переводе на рубли – семь рублей). А часы стоили нескольких солдатских зарплат. Я как старший механик-водитель получал сто десять крон (одиннадцать рублей). Ещё мне как некурящему давали сахар вместо сигарет, поэтому у меня не было лишних растрат на сладкое. К тому же мне помогали мои многочисленные земляки! Но несмотря на все эти преимущества перед другими, часов у меня не было. Даже Шелия, имеющий хорошую «помощь» от молодых и от своего единственного молодого земляка Матиашвили, которого он опекал как дорогого родственника, не имел часов. Иван Колопунь, будучи сержантом, получал сто тридцать крон (тринадцать рублей) и тоже не мог похвалиться обилием подарков в дембельском чемодане. Одним словом, было ясно, что дело тут тёмное, и мы решили Ногтева вывести на чистую воду.

Развязка наступила через недельку. У связистов, чьи боксы находились по соседству с нашими, из нескольких машин был слит бензин. Офицеры связи подняли шум, но, естественно, никого не нашли. На другой день Аристотель увидел в чпоке, нашем армейском магазине, Ногтя и Кольвана. Их стол «ломился» от яств – и сгущёнка, и вафли разных видов, что вызвало весьма интересные подозрения: откуда у ребят деньги, если зарплату недели три как выдали? Обычно наших крон хватало на несколько дней. Узнав от Аристо такую новость, мы из боксов коротким путём – через забор, отправились в казарму. Офицеров в это время там не было, одинокий дневальный скучал напротив входа у «тумбочки».

– Ногтев тут? – спросил я мимоходом, чтобы подтвердить своё предположение, ведь он опять куда-то отпросился, и в боксах его не было.

– Да, он в кубрике, – ответил дневальный.

Нас было двое. Аристо шёл следом. В казарме была тишина. Скрипнула кровать, кто-то подскочил с неё, услышав наши шаги. Кольван лежал на кровати, а Ноздрев стоял в проходе с перекошенным от неожиданности лицом.

– Балдеем?

– Да, мы только порядок навели, – пытался оправдываться Гешка.

– Порядок с утра слоны навели. Мы вкальваем, а вы кайфуете? – накинулся Аристо на Ногтя.

– Встал! – бросил я в сторону десантника.

Тот послушно встал и поправил за собой постель. В ближнем закутке кубрика, спрятанном от посторонних глаз, стояло два табурета.

– Оба сели в тот угол!

Мы поставили два табурета напротив и расположились на них, глядя в глаза друг другу.

– Рассказывайте! – сказал Аристо. – На какие шиши едим? Почём бензинчиком торгуем?

Ногтев готов был по своему обыкновению пустить слезу, но тут случилось самое интересное. Колыван подскочил с места, раздёрнул на груди хэбэ так, что отлетела пуговица:

– Пацаны, не трогайте его! Это я во всё виноват! Бейте меня, я всё равно весь переломан, на мне живого места нет!

Такого поворота событий никто не предполагал.

– Мы не для того пришли. Вы зачем у наших соседей воруете? Связисты на нас косо смотрят.

– Но они не смогут доказать, – оправдывался Колыван.

Видно, этот малый в воровских делах был дока!

– Зато мы это знаем!

– Ну вы же нас не выдадите? – вопрошал Ногтев.

– Конечно, нет! Это не в наших интересах, чтобы на зенитку грязное пятно легло!

Ногтев облегчённо разулыбался.

– Парни, мы в долгу не останемся, – вставил слово Иван-Колыван.

– А нам от вас ничего не надо! Забудьте дорогу к соседям! Понятно?

– Понятно!

Дальше мы узнали всю схему их торговли. Оказалось, что Ноготь давно налазил отношения с чехом, который подрабатывал в полку на хозяйственных работах. Этой весной он спиливал ветки деревьев, и к нему подошёл Ноготь, предложив свои услуги. Тот организовал канистры и спрятал их в договорном месте за нашей мусоркой. В общем, эта схема у них была чётко налажена. А крепкий и весьма авантюрный сорвиголова Колыван стал отличным напарником Генке Ногтеву.

Чем закончилась эта история? Колыван с Ногтем, обрадованные мирным решением проблемы, сделали широкий жест, предложив угостить нас в чпоке. Мы приняли их предложение, взяв с собой самых близких друзей-сослуживцев.

БЕС ПОПУТАЛ

Мы не едим перловку, ячку – не положено! По нашему поведению и внешнему виду можно безошибочно прочитать: «Дед Советской Армии собственной персоной!» Крючок и пуговка на груди должны быть расстёгнуты, в глаза должна бросаться богатая белая подшива подворотничка. Мешковатая хэбэшка должна быть ушита «до приличной степени», а это значит – ничего не выпирает, не обтягивает, не жмёт. И при этом на внешней стороне хэбэ вы ненамётанным глазом не обнаружите дополнительной строчки вдоль шва, прошитой вручную самим солдатом, подобравшим излишек ширины. Внутренний шов, само собой, тоже подшивается – он менее заметен. Солдат – сам себе и швея, и гладильщик, и всё остальное. Пилотка наглажена, она до того заострена, что если бы она была из железа, то об неё можно было порезаться. Её нужно спустить ниже на лоб, до самого схождения бровей (зимняя шапка так же – до самых бровей, либо наоборот – сдвигается на затылок). Сапоги начищены до блеска, бляха на ремне надраена до ослепления «пастогоем». Ремень не плотно облегает пояс, а вольно приспущен до такой степени, чтобы это не вызывало раздражения у офицеров. Один Шелия

у нас выпадает из общей обоймы – ушит до безобразия и ремень вызывающе болтается ниже пупа. И без того тонкие ноги у «генацвале» обтянуты и похожи на трубочки. Его уже не раз заставляли «расширяться», а он вскоре снова брался за своё. Бесплезно ему говорить о мере во всём. Вольный горец!

Наш командир дивизиона Чакин, в очередной раз останавливая попавшегося ему Шелию, уже без злобы у него спрашивал:

– Ты, солдат-на, ничего не натёр ниже пояса? – Шелия немного подтягивал ремень, с улыбкой глядя на командира. – Так опасно носить ремень, солдат-на. Устав-на для того и написан, чтобы заботиться о здоровье человека.

Чакин выискивал глазами комбата, посылал за ним:

– Комбат, ты разберись с этим бойцом. Определи его на гауптвахту или в командировку, что ли, отправь, чтобы он здесь не мельтешил в таком виде. А перед отправкой расшей его. Ему там всё равно нечем будет заниматься, хоть швейными делами занят будет солдат-на. Всё польза для него.

На гауптвахту вроде бы и не за что было определять своенравного грузина, и комбат отсылал его в очередную командировку.

Ещё выбивался из общего ряда своим затрапезным видом Колыван. Сменив свою десантную форму на обычную, он не прилагал ни малейших усилий за её уходом. Не то презирал наше весьма скромное обмундирование, не то по жизни был таким неряхой. Служба была ему в тягость. Его авантюрная натура искала «подвигов». И вот настал день, когда он не смог справиться с искушением снова пойти «на дело». В этот раз он поступил по-другому. Он подошёл ко мне вместе со своим товарищем Генкой Ногтевым, который хотел со мной о чём-то поговорить.

– Полетай, есть одно дело... Беспроигрышное. Всё лежит на поверхности, нужно только не полениться, чтобы взять.

– Не понял, о чём ты?

– К нам снова подошел чех, просит бензина. И цена хорошая.

– Я же тебе сказал, что нет!

– Артём, в этот раз по-другому сделаем. Мы к связистам не пойдём...

– А куда ты собрался?

– В пехоту.

– А почему в пехоту?

– А там у них есть лаз хороший из бокса прямо на нашу дорогу по полю. Они сами его проделали, когда осенью ходили к чехам за яблоками. Он едва прикрыт оцинковкой, которая легко отодвигается. Мы с Колываном туда уже ходили на разведку.

– Какие вы шустрые, однако!

– Артём, это стопроцентный куш, – стал искушать меня Колыван. – Мы не стали обходить тебя, чтобы не было недоразумений. Час работы и часы с калькулятором на руках! У нас четыре канистры. Мы пробираемся в бокс, а вы с кем-нибудь стоите на шухере и принимаете их.

Это был настоящий искус! Кому не хочется лёгкой добычи, когда она сама идёт в руки?! Хотелось на дембель достойно пойти – с полным чемоданом, в крутых часах. И я решил участвовать в этом деле.

После отбоя, когда последний офицер покинул казарму, мы поднялись с коек и отправились в поле через мусорку. Там мы вышли на дорогу, идущую по окраине полка в сторону Дембельской сопки. Шли тихо, едва перешёптываясь, чтобы не

привлечь внимания. Никто не курил, чтобы не выдать огоньком сигареты наше передвижение. Тучи занавесили небо. Месяц, кривой саблей воткнувший в мякоть далёкого облака, едва мерцал.

– Само то, что надо! Наша погодка, – громко шепнул Колыван, идущий впереди. Он держался спокойно и уверенно, видно было, что он попал в свою стихию. И эта стихия риска заводила его, гоняла застоявшуюся в венах кровь.

Нас было шесть тёмных теней в тихой ночи. Вскоре десантник остановился каким-то образом определив нужное место в абсолютной темноте.

– Здесь! – едва слышно шепнул он и шагнул в темноту. За ним – Генка Ногтев и отслуживший год Гулыга, паренёк из Западной Украины, который сам вызвался «идти на дело».

Я, Аристотель и Кожемяка остались стоять возле лаза, в который пробрались наши ребята. Внутри было тихо. Прошла пара минут, и вдруг раздался визг Гулыги: «Шу-хер!» Послышался шум, топот бегущих людей. В лаз пулей проскочил всегда нерасторопный Генка Ноготь, вылетел Гулыга. В боксе раздался гулкий звон канистры – видимо, Колыван «прикрывал отход», отбиваясь от пехоты, устроившей нам западню. Иван вылетел кубарем, мгновенно подскочил на ноги и рванул по дороге вслед за Кожемякой, Ногтевым и Гулыгой. Я бежал по полям – в сторону небольшой рощицы, росшей над огромным яром. Там, среди деревьев, остатки небольшого строения, похожего на дот, где бетонная лестница ведёт в подземелье. Туда я и держал свой путь. После недавнего дождя поле размокло, и сапоги вязли в грязи. Кто-то усиленно гнался за мной, дыша мне в спину. Месяц, освободившись от облака, блистал во всю силу, освещая поле, на котором я был виден как на ладони. Когда я забежал в рощу, ноги уже не хотели идти от усиленного бега по хляби и от страха, который пришлось испытать. Я едва ими передвигал, в полной темноте, наощупь пробираясь вниз по бетонной лестнице. Сзади раздался шаг приближающегося человека, который, шумно дыша, брёл среди деревьев. Я приготовился к встрече с моим преследователем. И тут прозвучало моё имя:

– Артём! Ты где? – раздался знакомый голос. Это был Аристотель.

Я, обрадованный такой развязке, вышел навстречу другу.

– Ну, ты, Аристо, напугал! Я думал, что за мной гонятся. Хоть бы голос подал!

– Да я молча бежал, чтобы не выдать. А то крикну: «Полетай», а вдруг они услышат и придут к нам в казарму, ведь Полетаев ты, наверное, один на весь полк.

– А за тобой никто не бежал?

– Не, они ещё у дороги отстали, в грязь не стали лезть.

– Это хорошо. Теперь надо думать, как нам пробраться в казарму. А вдруг там уже переполох, наших выловили?

– Не, я думаю, что они уже спят. Как назад пойдём?

– По дороге нельзя! Они наверняка за ней наблюдают. Сейчас месяц за тучей скроется, попробуем вдоль дороги – по полю.

Как только туча приглушила свет месяца, мы пошли, увязая в грязи. Выйдя к мусорке, обтёрли ноги, прислушались – всё ли тихо в нашем околотке? Вроде тишина кругом. Свет в казарме не горит, значит всё нормально.

Дневальный в казарме, мой земляк из Казахстана Исмагамбетов, обрадованно шагнул навстречу:

– Вас уже потеряли! Ждут, не спят!

– Тут всё спокойно?

– Спокойно.

– Вот и слава Богу!

Мы прошли в свою половину казармы, где был слышен шёпот. Увидев нас, с коек подскочили наши «товарищи по несчастью».

Колыван спрыгнул со второго яруса и вышел навстречу:

– А мы думали, что вас повязали.

– Обошлось!

– Мне сдаётся, что нас там уже ждали. Видимо, кто-то до нас позарился на их добро. Не одни мы такие умные, – высказал свое предположение Колыван. – А мы под раздачу чуть не попали из-за них.

– Плакали наши часы, – с досадой произнёс Ногтев.

– Да Бог с ними, с часами! Тем более, у тебя уже есть одни. Главное, сами не попались, а то представить страшно – вывели бы на посмешище перед всем полком и приклеили ярлык зенитке: «Воры», – рассуждал Аристо, – вот это был бы приговор. Так что, друзья, будем радоваться, что так легко от беды отделались.

– Это ты верно сказал, Аристо! Впредь будем умнее. Пусть будет нам уроком.

Прекращаем всякие глупые движения.

– И как, Артём, мы с тобой подписались? – удивлялся сам себе Аристотель.

– Так всё ж лежало на поверхности, нужно было только не полениться и взять, – пересказывал Кожемяко слова Ногтева. – Лёгких денег захотелось! Бес попутал, не иначе!

– Да, это точно, – согласился Аристотель.

– Навара нынче нет, одни убытки, – делал неутешительный вывод Колыван, – канистры бросить пришлось, все четыре штуки. Одну прямо в пехотинца, а то бы мы не ушли от погони!

– Это ты молодец, что задержал их, а то бы мы не успели выбраться из засады, – вставил свое слово Гулыга, который был свидетелем отважных действий Ивана Колыванова.

– Бог с ними, с этими канистрами, – подытоживал нашу ночную вылазку Ногтев Генка, – я сам с чехом разберусь. Скажу, что украли.

– Вор у вора украл! – отпустил шутку быстрый на слово Кожемяко, рассмешив всех, кроме Ногтева.

– Ну, или не пойду к чеху совсем. Мы же с этим делом завязали.

– Первая батарея, вы сегодня спать совсем не собираетесь? – раздался сонный голос Бобровского из второй батареи. – Уже три часа ночи.

– Отбиваемся. Спокойной ночи доблестной второй батарее и всему зенитному подразделению! – пожелал я вполголоса.

И мы разбрелись по кроватям.

МОИ ЗЕМЛЯКИ

После ночных походов к пехоте мы зауважали Колывана и приняли его в свой «дедовский» коллектив.

Жизнь в дивизионе текла по своему руслу. Ещё шли небольшие «притирки» между батареями, но серьезных конфликтов не было. Правда, с сержантом Пашкой Реусом пришлось немного повздорить из-за земляка. Этот сержант был крупным, крепким на вид парнем. Он был рыжий, всё лицо забрызгано веснушками. Умом

не отличался, но был беззлобным и простым в общении. По молодости ему сильно доставалось от «дедов», но он, несмотря на это, не озлобился. Жизненный опыт ему давался тяжёлой ценой – он учился только на своих ошибках.

Наутро после нашей ночной неудачной вылазки к пехоте мы встали полусонные, но радостные, что всё обошлось. Сделав пробежку по большому кругу через Закупи, батарея вернулась в казарму. Перед утренним осмотром я услышал раздражённый голос Реуса в нашей половине дивизиона. Что его занесло в наши владения? Он стоял перед младшим сержантом Исмагамбетовым и, недовольный, смотрел на него снизу вверх. Пашка был крепче комплекцией, но ниже ростом. Имея авторитет старослужащего солдата, он в чём-то обвинял молодого, который, не смутившись, спокойно объяснял Реусу, что тот не прав. Я вовремя оказался рядом, потому что спор мог закончиться потасовкой.

– Что случилось, Паша, поясни.

– Ты посмотри, каким богатым материалом он подшился!

– А тебе что, завидно, что ли?

– А откуда он его взял? Украл, наверно!

– А ты его за руку поймал, чтобы обвинять, или доказательства есть какие?

– Нет. А откуда у молодого деньги на такую подшиву?

– Мне прапорщик Гаврилов, мой непосредственный начальник, полпростыни дал, – спокойно ответил Кайрат.

– Что, Паша, пойдем к прапорщику Гаврилову? – я был больше чем уверен, что земляк говорит правду.

По коридору навстречу нам шёл Гаврилов собственной персоной. Этот молодой прапорщик был старше нас всего года на два.

– Здравия желаю, товарищ прапорщик! – поприветствовал я его. – У нас тут спор возник по поводу подшивки у младшего сержанта. Вы ему давали материал?

– Конечно, давал! Полпростыни дал на первое время.

– А почему мне не дали? – не унимался беспокойный Реус.

– А ты кто такой, чтобы тебе давать?

– Дед. А он кто такой?

– А он мой подчиненный. И ещё – он земляк моей жены. Она у меня из Казахстана.

– Как тебе такой оборот, Паша? – спросил я у разгорячившегося сержанта второй батареи.

Реус насупился, не зная, что сказать.

– Я бы посоветовал найти себе щедрого земляка и не завидовать другим. А как у Исмагамбетова закончится кусок простыни, я ему ещё выдам.

– И всё равно, Полетай, молодому не положено подшиваться таким толстым подворотничком, – решил зайти Реус с другой стороны.

– Хорошо, Паша, принимается! – я повернулся к земляку. – Придется тебе немного меньше подшивки делать, чтобы дедам было не так завидно. Договорились, Кайрат?

– Хорошо.

– А напоследок, Паша, дам тебе добрый совет. Во-первых, не хозяйничай в нашей батарее. А во-вторых, обходи моих земляков стороной. И тогда считай, что это был у нас с тобой первый и последний неприятный разговор.

На том мы и разошлись.

Через пару дней ко мне подошёл Шелия и выказал своё недовольство:

– Полетай, твой земляк ходит, как дед, ушитый. Даже мой земляк так не ходит!

– А почему «даже твой»? Разве мои земляки чем-то хуже твоих?

– Не хуже, конечно! Но ему не положено по сроку службы. Деды возмущаются.

– Возмущаются, а почему мне не говорят?

– Не хотят связываться.

– Хорошо, генацвале, он разошьётся. Я понял, о ком идёт речь. Мне он шинель

на дембель подогнал. Должен же я как-то земляка отблагодарить!

– Он и так тебя должен благодарить – живёт, как у Христа за пазухой!

Мы поняли друг друга и весело рассмеялись, пожав друг другу руку, и обнялись, как старые друзья, много чего повидавшие в этой армейской жизни.

– И всё-таки, Шелия, ты – шельма! Ты почти всю молодость ушитый проходил.

– А кто меня расшил? Медеркулов, твой земляк!

– Ну, ты нашёл, кого вспомнить. Я за Медеркулова не отвечаю, как и он за меня не отвечал. А за своих молодых земляков кроме меня некому заступиться.

Мы разошлись по разным углам казармы, в свои закутки, не затаив обиды, как прежде, доверяя друг другу.

Я подозвал к себе карагандинца Егорова:

– Андрей, дедам не нравится, что ты ушит. Распори снаружи шов на штанах, чтобы все видели, а внутренний шов не трогай.

А через пару недель ко мне, запыхавшись, прибежал Исагамбетов.

– Там тебя зовут!

– Кто зовет? – не понял я.

– Земляки!

– Опять что-то случилось! – я рванул следом за Кайратом, хотя не знал, куда мы и зачем бежим. Мне показалось, что придётся опять за него вступаться.

Мы промчались мимо штаба и остановились возле чпока – продуктового магазина. Зашли внутрь, и я увидел накрытый стол, за которым сидело человек десять кызылординцев – «стариков» и «кандидатов». Ребят своего призыва визу-ально я знал, мы вместе сидели в кинотеатре в «казахстанских» рядах. Оказалось, что один из них ездил домой в отпуск и теперь угощал земляков. Исагамбетов посчитал, что меня нужно отблагодарить за поддержку, оказанную ему в подразделении. Угостившись, мы отправились в казарму. В руках у меня был кулёк с карагандинскими конфетами и куртом, а за ухом торчала сигарета «Медео». Хотя я и не курил, а отказаться от неё не смог – как-никак весточка с далекой родины. Этим добром я поделился с сослуживцами.

МЕХАНИКИ-ВОДИТЕЛИ. ОТПУСК

После ухода на дембель Почуева и Ибишева меня назначили старшим механиком-водителем, и на мои плечи легла вся ответственность за машины и моих подчиненных. Наученный Почеком и Ибишем, я хорошо знал каждую из трёх машин. С механиками дело обстояло гораздо сложнее. Аристотель выбрал машину Ибишева. Несмотря на то, что Каракалов был «безлошадным водителем», он имел небольшой навык вождения. Ибишев разрешал ему иногда сесть за рычаги своей машины в лагерях во Всеборжицах, и тогда тот делал круги неподалёку. Аристо не имел опыта многокилометровых маршей, но он «рвался в бой». Он

наводил порядок в кабине, менял фильтры, в общем, ходил в чёрном лоснящемся комбинезоне, как и полагается механику-водителю. Плохо обстояло дело со вчерашними курсантами, которые почти ничего не знали в технике. Они напоминали меня самого, пришедшего из учебки. Раз из меня, неисправимого гуманитария, сделали нормального водителя, значит, из них со временем тоже получатся специалисты. Один из них, за неимением машины, стал «безлошадным». За ближайшие полгода он должен был приобрести нужные навыки и поменять за рычагами меня или Аристо. А второй, Кандыба, известный тем, что в первую же ночь подпустил струю со второго яруса на дембеля, сел за рычаги свободной «Шилки». Его мы посчитали «менее тормозным» из кандидатов на оставшуюся Шилку. К тому же у него больше не повторялись такие «казусные» случаи, а иначе ему пришлось бы обследоваться, и его могли комиссовать из армии. Вот из такого «материала» нам предстояло всего за полгода, оставшихся до нашего дембеля, «слепить» нормальных специалистов. Они должны были вскоре заменить нас, взвалив всю ответственность на себя. Аристотель здорово помогал мне в подготовке молодых ребят, в сколачивании дружного братства механиков-водителей, заведённого в нашем подразделении. Мы с Аристо и так были друзьями с первых дней, а теперь ответственность сплотила нас ещё ближе. Отношения Ибишева и Почуева стали для нас примером, на который нужно было равняться.

Первая проба на прочность прошла после весенней проверки, когда мы в очередной раз отправились на учения в Доупов. Всё шло по заведённому образцу. Мы так же слегка потрепали груз «каравана с хлебом», проходящего мимо нас из столовой в пехотный батальон. Так же крепили на броню деревянные щиты, чтобы спать на них в вагоне и затем в палатке. Так же каждый чётко знал свое место и обязанность. Всё повторялось, за исключением одного. Из люка башни на Шилке Аристотеля торчал с перебинтованной головой Кожемяко. И когда он надел шлемофон, его мощный белый лоб был виден издалека. Эта картина напоминала бюст героя, побывавшего в бою. Рану свою он приобрёл следующим образом. После политзанятий предыдущего дня, когда замполит Сафонов разрешил нам разойтись, мы стали разносить табуретки из коридора по кубрикам. Кент облокотился на железную трубу, упёртую в потолок и раскрашенную под берёзу, на которой мостились в кругах цветы в горшках. Под его весом «железная берёза» оторвалась от потолка и упала на голову Кожемяке. Из рассечённой раны бежала кровь, которую Кожа старался остановить ладонью. Пересиливая боль, Серёга разогнулся и гаркнул в сторону бедового Кента одно слово: «Чмо!» Бить того не стал: грех обижать убогих. Кент пытался оправдаться. Лицо было жалким, рот полуоткрыт, был виден сколотый кулаком Коничека верхний передний зуб. Он развернулся и пошёл некультипистой походкой от нас по коридору. Голова Кожемяки оказалась очень крепкой, а рассечение небольшим. Серёге тут же наложили бинты. А через полчаса он уже находил своё положение исключительно выигрышным: завтра учения, а он уже сегодня имеет ранение, да не простое, а в голову. Кровавый бинт вечером отлепили от раны и обмотали буйную голову свежим. И теперь, высунувшись из башни, он, обдуваемый тёплым весенним ветром, был воплощением поводавшего вида солдата. Единственный во всём полку с разбитой головой.

Наш дивизион встроился в колонну полка – сначала шли резвые БМП-2 второй батареи, затем быстрые «Стрелы-10» нашей батареи и за ними – наши «Шилки». Моя машина шла первой. Следом – Аристотель. Замыкал Кандыба. По внутренней

связи мне сообщали, что обе машины, идущие за мной, соблюдают дистанцию, никто не отстаёт. Меня это весьма радовало. Оказалось, что Гулыга родом из деревни и одно время работал на тракторе. Это ему пригодилось, и мне было на руку – меньше проблем.

Учения прошли отлично. Запомнилось два эпизода. Комбат Селиванов узнал об источнике минеральной воды. Ребята из нашего взвода проследили за офицерами, запомнив дорогу. Недалеко от леса стоял крохотный домик, внутри которого из большой трубки из-под земли бил источник. Мы принесли несколько баклажек этой воды к машинам. А второй эпизод связан с тем, что Кожемяко настроил устройство связи в «Шилке» на радиоволну с западной музыкой, и мы всё свободное время слушали ставшую популярной в то время группу «Модерн Токинг». И даже когда мы прибыли в родной полк и зашли в казарму в третьем часу ночи, то приглушённо слышалась эта музыка. Замполит Сафонов с небольшим приёмником сидел в штабе, а комбат Селиванов, выстроив нас на «взлётке» – в коридоре, отдавал последние распоряжения перед отбоем. Был он, как все, усталый, но в приподнятом настроении, ведь мы, как всегда, отлично отстрелялись и вернулись с учений без происшествий. Мы слушали его одним ухом, другим – доносившуюся из штаба ритмичную музыку, напоминавшую нам о гражданской жизни. Верилось, будет и на нашей улице праздник! Следующий дембель – наш!

На другой день весь дивизион мыл свои угвазданные грязью машины. Почти весь парк боевых машин был застелен бетонными плитами, они лежали перед каждым боксом. Мы выгоняли технику на бетонку и занимались ею. Тут же мы «разували» с механиками одну из «Шилок». Для этого выбивался кувалдой «палец», и машина выезжала из разъединённой гусанки. Менялся трак, и «Шилка» снова заезжала на прежнее место. Забивался на место «палец», и гусеница натягивалась при помощи мощного ключа и лома.

У края бокса вдоль забора росла мягкая зеленючая трава, на которой в отсутствии офицеров мы иногда отдыхали. Как-то раз взбрело в голову комбату проверить нашу подготовку на случай химической атаки. Мы не один десяток раз недели и сняли армейские защитные костюмы и противогазы. Комбат держал в руках часы и засекал время. Ногтев постоянно тормозил, и нам снова приходилось натягивать на себя эту ненавистную резину АЗК. Мы все были мокрыми от пота – и хэбэ, и портянки, даже хлюпало в сапогах. Вдоволь накомандовавшись, комбат разрешил нам отдохнуть, и мы, откинув в сторону резиновые костюмы, дружно разлеглись на траве целой батареей. И все уснули. Когда проснулись, комбата уже не было, и мы напрямик направились в столовую на обед.

На той же зелёной лужайке мы иногда устраивали борьбу. Илья Кобевко был крепким солдатом, недавно пришедшим из учебного подразделения. Именно он единственный смог уложить меня на лопатки. Я его предупредил, что последствий для него от меня никаких не будет, пусть «мнет» деда, если сможет. Он был борцом и честно меня победил. Я пожал ему руку и стал его поддерживать в разных ситуациях. Однажды Ларчук, отъевшийся на «дедовских» хлебах, не по делу накинудся на Илью. Авторитета у Лары никогда среди нас не было. Но он умел «братъ горлом» – орал и напирал на молодого своим видом: расстёгнутая грудь с богатым подворотничком, насупленные брови, петушинный вид. Я его остановил и обратился к Кобевко: «Илья, не бойся его, дай ему сдачи. Я за честный бой!»

– Как ты на это смотришь, Лара? – обратился я к сослуживцу.

Тот заметно приуныл и ходил на меня обиженный, что я заступаюсь за «словнов». Но я ему напомнил, что если он будет без причины нападать на молодых, то будет иметь «бледный вид».

И ещё один эпизод о нашей зелёной лужайке у забора. Той весной азербайджанец Зафар, механик-водитель БМП-2 из второй батареи, косил эту траву. Он хорошо наточил косу и до того увлёкся мирной работой косца, что не заметил как сзади к нему подошёл заезжий генерал со свитой офицеров. Зафар опешил, увидев перед собой большие звёзды на погонах. Но не растерялся, будучи старослужащим солдатом, бросил косу, вытянулся по стойке «смирно» и чётко, с небольшим акцентом, доложил по форме:

– Товарищ генерал, рядовой Магомедов, выполняю задание, данное мне командиром батареи Селивановым!

Он был весь мокрый от пота, мышцы буграми застыли на его красивом теле. Словно бронзовое изваяние стоял, не шелохнувшись, перед офицерами Магомедов и излучал улыбку. Генерал не смог сдержать восторга при виде этого улыбчивого крепкого парня.

– Товарищи офицеры, вот образцовый солдат, лицо Советской Армии! – обратился он к сопровождавшей его группе. Все уставились на Магомедова, словно в первый раз его видели. Большинство офицеров были из нашего полка.

– Сколько вы отслужили, товарищ рядовой? – поинтересовался у солдата генерал.

– Почти двадцать месяцев, товарищ генерал!

– Значит, скоро домой!

– Так точно! – обрадованно ответил солдат, услышав слово о доме.

– А что не доверил косьбу молодому солдату? А сам бы отдыхал, – продолжал тонкий диалог генерал.

– Молодой испортить может, да и люблю я косить, я – деревенский!

– Я тоже деревенский, – признался большой начальник, – вижу, как хорошо умеешь косить!

Генерал ещё спросил у Зафара, был ли он в отпуске. От лица командования и от себя лично генерал-майор поощрил отпуском в десять дней рядового Магомедова. В ответ услышал чёткое: «Служу Советскому Союзу!», и группа пошла дальше. Больше Зафар косить уже не мог – у него от радости затряслись руки. И как только группа скрылась за танковыми боксами, Магомедов помчался в казарму, где находился почти весь дивизион. Он не заметил, как преодолел забор – летел счастливый, будто на крыльях. Зафар забежал в казарму, весь светящийся и взволнованный так, что не мог сказать ни слова.

– Что случилось, Зафар? – интересовался Валера Леухин, тоже механик-водитель БМП-2. – Что с тобой? Бээмпэшку спалил, что ли? Говори!

– Там... Там... Генерал... Траву косил...

– Какой генерал, какую траву косил? – добивался Леуха.

– Нет! Не генерал косил траву, а я. А тут он идёт. Генерал!

– Да ну, не заливай! Откуда там взяться генералу?

– Да я сам не знаю! А вокруг него офицеры – полковники всякие.

– И отчего радость такая, уважаемый? – не мог дойти до сути Леуха. – Ну, увидел ты генерала, и что? От радости «в зобу дыханье спёрло»?

– Так он мне отпуск дал! Десять дней!

– За то, что ты траву косил? – не унимался Валера.

– Да! И за то, что отвечал хорошо.

– Значит, то, что ты зимой руки морозил на бээмпэшке, это не в счёт. А вот за косьбу отпуск – это круто!

– Ишь, губу раскатал – в отпуск! Разве ты не знаешь, что из загранки только в исключительных случаях отпускают – на похороны близких или в гробу! А тем более механика-водителя, – словно вылил ушат холодной воды на Зафара Кожемяко. – Тебя даже на губу на один день не возьмут, потому что полк в любой момент могут поднять по тревоге.

Зафар стоял, сведя к переносице брови. Логические доводы подрезали крылья, на которых он прилетел сюда к друзьям.

– Так он же генерал! – пытался возразить Магомедов.

– Как говорится, оставь надежду навсегда! – добивал чужую радость Кожемяко. – Дадут, значит, хорошо, а не дадут, так не печалься. Но настроиться ты должен на худшее, потому что хотя бы горевать не будешь. А то чёрт-те что брякают языками залётные генералы!

Кожемяко был прав. После отъезда большого начальника никто в полку про бедного Зафара даже не вспомнил.

АНДРЕЙ МИРОНОВ. КЛУБ ЗАКУПИ

Через несколько дней, в воскресенье, около пяти часов вечера, нам объявили какую-то странную тревогу: прибыть с оружием к штабу. Сначала дежурный по батарее крикнул: «Сбор по тревоге!» А потом сразу же: «Получить оружие!» В то время все занимались своими делами, а я с Аристотелем играл в шахматы в ленинской комнате. Мы бросили недоигранную партию и побежали получать оружие. Заскрипели решётчатые двери оружейной комнаты, забрякали автоматы. Мы бегом прибежали к месту назначения и построились возле штаба полка под старыми каштанами. Чакин доложил вышестоящему офицеру, на что тот непонимающе посмотрел на него.

– Вам нужно было прибыть в полковой клуб. И без оружия. Андрей Миронов приехал. Бегом, а то не успеете.

Мы помчались обратно. Сдали оружие в оружейную комнату, построились и быстро пошли в клуб. Но не успели, двери были закрыты. Актеры просили, чтобы их не беспокоили опоздавшие солдаты и офицеры. Воскресный вечер был испорчен. Мы коротали остаток дня в казарме, когда весь полк находился на концерте артистов театра.

На другой день после обеда произошло небольшое событие, которое немного скрасило горечь от предыдущего дня. Мы находились в казарме на коротком послеобеденном отдыхе, когда с улицы влетели Аристотель и Ваня Калапунь.

Аристо бежал по коридору и кричал:

– Мужики! Мы его видели, – он внес заметный переполох в наши полусонные ряды. На крик сбежались обе батареи.

Калапунь тоже был взволнован:

– Ребята, бачите, шо я вам кажу...

– Аристо, Иван, что случилось?

– Вот! Доказательство! – крикнул Аристо.

– Какое доказательство, чего?

В запальчивости Аристотель не мог сосредоточиться и поднял над головой, чтобы все видели, прозрачный пакет с конфетами.

– Конфеты... Миронов угостил.

– Да ну! – изумился Пашка Реус. – Ну ты даешь! Расскажи, где вы с ним пере-секлись?

– Когда вы строем ушли вкруговую, мы с Иваном пошли мимо офицерской столовой. И тут выходит генерал, а с ним Андрей Миронов. Мы ногу до пояса поднимаем, вышагиваем, честь отдаём. Генерал нам: «Солдаты, стой!» Мы остановились, я представляюсь чётко и ясно: «Товарищ генерал, мы направляемся из столовой в казарму!» Тут Миронов пожал мне руку и достал из сумки этот пакет с конфетами. Я думал – нас ругать будут за то, что мы не в строю передвигаемся, а они даже наградили. Налетай, ребята!

Мы подходили и брали по несколько конфет «Театральных». Пакет был не маленький. Весь дивизион – и старослужащие солдаты, и молодые в тот день катали во рту леденцовые конфеты и вспоминали добрым словом известного артиста. Вскоре мы узнали, что в августе того дембельского 1987 года Андрея Миронова не стало.

Клуб нашего полка считался самым большим в Центральной группе войск. Это был самый настоящий кинотеатр, а «клубом» мы его называли по армейской привычке. В нём было более семисот посадочных мест. Кинотеатр был очень просторным и удобным. Если сравнивать с клубом в Отаре, то здесь был дворец. Здесь ряды поднимались лестницей один над другим вверх, разделённые посередине проходом пополам. Места были поделены между землячествами. Когда и кто так распределил за нами эти ряды – неизвестно. Сверху с одной стороны сидели кавказцы – пару рядов занимали чеченцы, пару – дагестанцы, ряда три – грузины, четыре – занимали азербайджанцы... С другой стороны, ближе ко входу, сидели азиаты. Ряды четыре занимали узбеки, пару рядов – таджики, ряда два – киргизы и рядов пять – казахи. В самом низу с десятков рядов с обеих сторон оставался на тех, кто не имел крепкого землячества – прибалты, украинцы, россияне. «Деды» сидели, а молодые солдаты ютились между рядами и сценой, кто-то на корточках, а кто-то сидел на деревянном полу. Все землячества располагались совместно – и старослужащие, и молодые. Во всех «национальных» рядах практически везде можно было заметить русских ребят, что призывались из республик. Меня с первых дней службы в войсках привел в казахстанские ряды мой хороший друг из пехоты Бекбулат Бакимбаев. Это было еженедельное место встречи земляков. В тех же рядах в свое время сидел и мой «армейский ангел-хранитель» Влад Кученёв. Теперь же, когда я стал «дедом», только я один приводил целый выводок молодых земляков из Казахстана и из Киргизии, где все знакомились друг с другом и чувствовали себя в полной безопасности. Одно меня огорчало, когда я глядел вниз: «Что ж ты, Матушка-Россия, такая недружная, постоять за себя не можешь». Каждый сам за себя. Если несколько человек из одного города держатся вместе, то это всё слабая сила против больших землячеств.

СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА. ВСЕБОРЖИЦЫ

Вот и наступил наш праздник – сто дней до приказа. Если даже в казарме будут дежурить офицеры, всё равно они не смогут поймать солдата за подстрижкой. Голь на выдумку хитра! Нет у нас парикмахерской, чтобы посадить в ней засаду на «престарелого», дослуживающего срок солдатика. Ибо он мудр, как змея. Он может быть подстрижен при свете фонарика в тёмном закутке кубрика, как делал призыв Медеркулова. В сушилке, закрытой снаружи на ключ дневальным, как это делал призыв Шикармамадова. Или вылезти через окно вместе с другом – доморощенным цирюльником и постричься за казармой или в чистом поле. На худой конец, можно самому наощупь ручной машинкой убрать ненужный, обременяющий голову волос. А там пусть хоть на гауптвахту везут! Эту сложившуюся традицию «дед» ни за что не пропустит, если он, конечно, достойно дослужил до своей «старости». Это внутреннее состояние старослужащего солдата, это межевая черта, с которой начинается финишная прямая к дембелю, так сказать – последняя стометровка. Но офицеры этот непризнанный ими солдатский праздник воспринимают как своеобразный протест против устава – «святая святых» армейской жизни. Они считают, что старослужащие солдаты этим незаконным поступком разделяют всех солдат на два лагеря – «дедов» и всех остальных. Но никому из солдат нет дела до лысины «деда», и только некоторые офицеры считают себя оскорбленными. Майор Чакин любит пугать дедушек задолго до сего «торжества»: «У кого какая стрижка будет, солдаты-на, тот так домой и поедет!» Но это всё бесполезно. Ручная машинка для стрижки в это время на вес золота. Несколько человек нашего призыва подстриглись в боксе, за «Шилками», остальные ещё в обед нагло поставили табурет прямо на «взлётку» посреди коридора и «пустили конвейер» по оболваниванию дедов. Две минуты – и готов! Пока офицеры были на обеде, мы уже подстриглись и выбрили голову до блеска. Горка светлых, русых и чёрных волос была снесена на мусорку. Так что офицерам в этот вечер можно было не волноваться – мы заранее побеспокоились о своем празднике. Конечно же, был шум и офицерские вопли. Комбат Селиванов скрипел зубами, глаза горели чёрным огнем, по-бабьи смазливое лицо становилось злобно-красивым, как ядовитый цветок дурмана. Чакин, командир дивизиона, что-то бубнил под нос и недовольно качал головой. Худой, в чём душа держится, начальник штаба Горелов, как всегда, играл лицевыми желваками, выдавая нервозность. И только один замполит Сафонов, не так давно прибывший из Кандагара, понимающе посмеивался, считая, что весь этот «спектакль со зрителями» не стоит выеденного яйца.

Наутро добрая часть полка блестела лысынами. И никакие запреты не смогли помешать нам встретить свой праздник. С этого дня все уважающие себя «деды», переступившие рубеж стодневки, отдавали свою пайку масла молодому солдату.

Шелия подстригся на день раньше всех. Теперь его вид стал ещё более устрашающим. Молодёжь побаивалась горца. Частенько Тенгиз доставал из кармана цепочку, на которой были прицеплены щипцы-ногтерезка, и крутил вокруг пальца. Один раз ему не понравился ответ Ильи Кобевки, который был заметно мощнее Шелии. Грузин с руганью побежал на него, но поскользнулся на полу и, ударившись о Кобевку, упал рядом. Если бы Илья опустил свою тяжёлую руку на Шелию, то «генацвале» переломился бы надвое. Но субординация не позволяла молодому вы-

ходить за рамки дозволенного, и разрозовевшийся Шелия, поднявшись, высказал всё нелицеприятное, что думал о Кобевке. На пальце он крутил цепочку. Глядя на эту комичную сцену со стороны, я едва сдерживался со смеху. Шелия, в ожидании долгожданного дембеля, не занимался рукоприкладством, он всегда «убивал» морально. Илья мне нравился своей порядочностью и умением чётко соблюдать субординацию. Он знал, что в моём присутствии ему ничто не грозит, и потому спокойно смотрел в лицо рассвирепевшего грузина и едва сдерживал улыбку.

Наш «генацвале» Шелия мог при входе в столовую определить приготовленное блюдо. Он раздувал ноздри своего большого носа, втягивая запахи, и говорил: «Сегодня опять бигус, кислой капустой воняет». Или говорил: «Картошка тушёная с мясом». Он никогда не ошибался. Иногда сразу же разворачивался, отказываясь от ненавистного ему бигуса, и шёл в чпок или же в хлеборезку, «наводя жути» на солдат из этого заведения, и разживался маслом.

Во второй батарее было два земляка Шелии. Первый – узбек Алишер, которого звали коротко Алик. Он отслужил больше года. Напускная высокомерность сквозила во всём, что он делал, тем самым давая понять окружающим, что он родом не с Азии, а с Кавказа. Но Тенгиз с ним не особо «роднился». Второй земляк нашего «генацвале» был весьма интересным типом по фамилии Ращупкин, он, как и мы, был уже «дедом». Имея славянскую внешность и русскую фамилию, он полностью мимикрировал в грузинской среде в местного жителя. Его поведение мало чем отличалось от поведения грузина Шелии, а русские слова он произносил с акцентом, словно разговаривал на чужом языке. Но это была игра – так ему легче было выживать, ведь кавказцы имели в полку авторитет.

Через несколько дней наш дивизион выдвинулся в полевой лагерь Всеборжицы. Здесь, как обычно, мы должны были провести два месяца на учебных стрельбах. Поставили палаточный городок. Часовые стояли напротив своих дивизионов. Теперь не надо было топить печки. Яркое светило солнце. Неподвижно стоял сосновый бор. На озёрах плавали белые и черные лебеди. Молодые солдатики заканчивали наводить порядок. По лагерю ходили лысые «деды», выискивая земляков и друзей. Мой сослуживец по Отару Юрка Мананков был уже заматеревшим солдатом, имеющим весомый авторитет в подразделении. Белым пятном светилась его голова, выбритая до блеска. Особенно чётко была видна разница цветов – незагорелой головы на фоне чумазого лица и промасленного комбеза, когда он через несколько дней ремонтировал машину.

Паша Руснак, наш ложкар из Отара, наконец-то перестал быть «безлошадным» водителем и неплохо смотрелся за рычагами своей «Шилки».

Всё шло своим чередом. Лишь небольшой эпизод из этого периода запомнился мне как подарок свыше. Это была командировка «на точку».

ГРАДЧАНЕ. МОЙ ДРУГ АРИСТОТЕЛЬ

Да, это был настоящий праздник жизни! Нам выпал счастливый билет. Так сошлись звёзды.

Всего недели две мы пробыли во Всеборжицах, когда «наш Серёга» – командир дивизиона Чакин объявил, что большая часть взвода «Шилок» должна выдвинуться в район аэродрома Градчане. Я, как старший механик-водитель, решал,

чью машину следует оставить в полевом лагере, а кто пойдёт со мной в паре. Конечно же, я выбрал проверенного друга Аристотеля. Молодой механик-водитель Кандыба со своей «Шилкой» остался в лагере. Двумя экипажами мы выдвинулись «на точку». Резво бежали по просёлочной дороге наши машинки. В паре идти гораздо легче, чем передвигаться в составе полка, где у любой машины может быть поломка и, соответственно, потеря времени. Часа через полтора мы были на месте. Проехав до середины запасной взлётной полосы, мы остановились возле дома, стоящего недалеко от обочины. Это замечательное жилище приютило нас на десять дней. «Шилки» мы поставили под окнами дома, «лицом» к взлётной полосе. Вечером сюда притащили дизельную электростанцию на колёсах, которая тратила гораздо меньше топлива, чем наш газотурбинный двигатель, съедающий около пятисот литров в час. «Шилку» подключали к ДЭС, и машина работала в обычном режиме. Экипаж в башне занимался отработкой навыков поиска на реальных целях, а механик-водитель, закрыв ключом снаружи водительский люк, мог спокойно идти отдыхать. Наше присутствие было согласовано с командующим авиации дислоцированной здесь части. Военные самолеты постоянно взлетали или же садились на основную взлётную полосу. Недостатка в целях не было. Локаторы работали в боевом режиме. Оба экипажа, за исключением механиков, по несколько часов в день сидели закупоренные в башнях и встречали далеко на подлёте какой-нибудь истребитель, сопровождая его до самого приземления. Локатор чутко реагировал на цель, башня резко поворачивалась в нужную сторону и «вела» самолёт до земли. Стволы опасно смотрели в сторону самолёта, коробка с патронами были пустыми. Конечно же, «палить» по своим никто и не собирался. Но со стороны «Шилка» выглядела весьма воинственно. Примерно так уличный боец-задира нахально наблюдает за боксёрами на ринге. А слаженные действия двух «Шилок» в синхронной работе по сопровождению одной цели внушали уважение к нашей технике.

Просторный дом, в котором мы поселились, напоминал нам о мирной гражданской жизни. И если бы не нары, вплотную придвинутые друг к другу, то можно было бы сказать, что к армии он не имеет никакого отношения. Крыльцо из этого дома выходило в тихую мирную жизнь: метров через десять начиналось небольшое чистое озеро, а за ним – лесок с веселыми шумливыми соснами. Божья благодать! Должно же было нам когда-то повезти! Всем выдали сухпай, и мы готовили пищу в общем котле на кухне. Два спевшихся друга, Ногтев и «пехотный десантник» Кольван, не имевшие привязки ни к одному из экипажей, сделали разведывательный рейд по округе и раздобыли зелень. Они всё время находились при доме и занимались наведением порядка и приготовлением пищи. По комнатам разносился чудесный запах домашней еды. Мало того, Ноготь в первый же день познакомился с солдатом из охраны караульной команды, что ходил по территории, отгороженной от нас колючей проволокой. От этого солдата он узнал много полезной информации, о чём не преминул тут же рассказать нам. Кое-что касалось конкретно и меня.

– Артём, такое дело... Мы можем все есть от живота, если ты не пожалеешь для нас своего времени.

– Да времени у меня – уйма. Говори, Геша, не томи душу, что разведаль?

– В авиации на складе сидит твой землячок. Сказали, что с Восточного Казахстана.

– Это отлично! – обрадовался я. – Если он действительно мой земляк, то завтра мы будем все накормлены. Это вам не голодная пехота, а авиация, ребята. Снабжение у них серьёзное.

– И ещё, пацаны, – Генка перешёл на робкий шёпот, чтобы офицеры в соседней комнате не слышали нашего разговора, – караулка лётчиков просит автоматных патронов, говорят, что зайцы ночами прямо под ногами бегают. Могут зайцев нам настрелять. Жалуются, что патронов у них нет, всё по счёту выдают.

Колыван поддержал разговор, добавив ему очень интересный оттенок:

– За несколько патронов он может подключить ток, там рубильник у него рядом стоит.

– Что-то я не понял тебя, Иван, – пытался связать воедино тонкую нить разговора Кожемяко, – ты что, собрался электрический стул запустить? Чижевского на стул посадить или кто там тебе насолил?

– Да нужен он мне, этот Чижевский... Бросаем провод в озеро. Там наверняка полно рыбы. Подключаем на пару секунд, и ага! Уха и жарёха!

– Вон они что придумали! – обрадовался Серёга Кожемяко. – Ай да молодцы! Пока мы «воевали» с авиацией, вы время зря не теряли! Уважаю!

– Есть толк с ребят, недаром хлеб жуют, – поддержал Аристотель.

Не меньше других радовался и Лазько, что весь день просидел в башне. Вот бы кто настрелял самолётов, как голубей, если бы ему дали такую волю!

– Хорошо, выделим лётчикам что они просят, жалко, что ли!

Я решил не откладывать в долгий ящик и пошёл к машине за патронами. У каждого в экипаже есть свой потайной уголок в «Шилке». Но если вдруг понадобится серьёзно спрятать вещицу, то каждый идёт к механику-водителю, потому что знает – если он спрятал что-то, то никто никогда это «что-то» уже не найдёт без его ведома.

Моё секретное место находилось в аккумуляторном отсеке, закрытом съёмной крышкой, в кабине водителя. Четыре двадцатичетырёхвольтовых аккумулятора стоят попарно друг напротив друга, подсоединённые проводами по известной схеме. Меж ними доска, на которую они налегают по краям. Четыре болта держат эту заветную досточку, под которой находится «второе дно» – пространство, где можно легко спрятать несколько габаритных вещей, как автоматы. У меня кроме полной коробушки патронов ещё и стандартная аптечка была с горкой наполнена патронами – «трассерами», обычными... Под десяток всяких ракетниц – от «двадцатки» до «пятидесятки»... Почти с каждой стрельбы у экипажа оставались автоматные патроны, которые стекались ко мне и прятались в потайное дно «Шилки». Среди этих военных «трофеев» в подполье хранились завернутые в тряпочки «каноловые» гвардейские значки, приготовленные ребятами нашего призыва на дембель. На советских армейских складах существовала категория хранения «К-0» – «ка-ноль», что означало новую, не бывшую в употреблении вещь. Добавлю к сведению, что гвардейские значки нам никто не выдавал, приходилось покупать, на что уходила не одна наша зарплата. И ещё много разного прочего добра находилось на моем хранении. Без спроса никто не забирался в мою кабину.

Я достал горсть патронов и отдал их Генке Ногтеву. По крайней мере, назавтра мы могли уже надеяться на добытую рыбу. Снастей у нас никаких не было, мы же не на рыбалке. А такой способ гарантировал нам хоть какой-то улов.

Утром следующего дня, узнав от «лётчиков» из караула о пути следования в их полк, я отправился искать земляка. Аристо должен был меня «прикрывать», придумывая уважительные причины моего отсутствия. Он должен был продержаться пару часов, так как путь был не близким. Мне предстояло обогнуть взлётные полосы и незаметно проникнуть к складу, чтобы не попасться на глаза офицерам. Я знал, что мои алые «пехотные» погоны должны были подействовать на любого из полка авиации как красная тряпка на быка. Но я не мог упустить этот редкий шанс, данный мне в те дни. И я нашел тот склад и своего земляка. Высокий, улыбчивый русоволосый парень был из самого Усть-Каменогорска. Мы поговорили с ним, он нагрузил меня продуктами – консервами, крупами и насыпал в большой бумажный куль макарон. Всё это он положил в мешок, и я, как Дед Мороз, с подарками через плечо отправился в обратный путь.

Пока я дошёл до нашего дома у запасной взлётной полосы, Ногтев с Кольваном уже произвели с «летунами» обмен патронов на ток. Геша, забравшись на небольшой, наскоро сбитый из досок плот, плавал по озеру и собирал всплывшую кверху брюхом рыбу. Тут были и лещи, и окуни, и плотва, и караси. Моего отсутствия никто не заметил. Лейтенант Лиманов сидел в одной из «Шилок», отрабатывая работу по цели. Комбат Селиванов и другие офицеры уехали на «бэтээр» в полевой лагерь. Аристо, загорая, лежал на траве возле озера. На обед наши повара приготовили уху, а на ужин пожарили рыбу. С этого дня из нашего рациона она больше не исчезала. Здесь мы жили, как на курорте.

Пожалуй, так бы весело и пронеслись эти десять дней, и больше нечего было бы вспомнить, если бы ни произошло одно запомнившееся событие.

Засидевшись без работы, мы, два механика-водителя, как только выпала возможность заняться машинами, приступили к их ремонту. Всех ребят забрали на учебные стрельбы во Всеборжицы, и мы с Аристо остались вдвоём. Мы уже сытые и отдохнувшие, нужно было и что-то полезное сделать. Надев свои блестящие промасленные комбинезоны и развернув башни на машинах, мы стали менять небольшие детали, выточенные по моей просьбе земляком из ремроты. Провозились почти весь день, но всё же ремонт закончили. Башни поставили в исходное положение. Нужно было проверить машину в работе.

– Заводи! – скомандовал я.

Машина друга работала ровно.

– Выгоняй на взлётку, проверь на ходу!

И Аристо выехал на запасную взлётную полосу. Машина хорошо шла. И тут меня охватил восторг от ощущения того, что мы с другом достойно служим и отлично выполняем свою работу. Я прыгнул за рычаги своей «Шилки» и выехал вслед за Аристотелем. У края взлётки мы развернулись в обратную сторону. Поставив машины параллельно, приняли одновременный старт, и начались гонки. Никто не хотел уступать, выжимая из машин всю мощь. Действительно, оказалось, что машина идёт, не превышая пятидесяти пяти километров в час, как и написано в книжной инструкции. Добравшись до другого края взлётной полосы, мы пошли на второй круг. На основной взлётной полосе громко взлетали и садились военные самолеты, а мы с другом Аристо «обкатывали» свои машины на параллельном направлении запасной полосы. Сделали мы от силы пару кругов, как вдалеке, у края леса, показался знакомый «бэтээр», вырывая на нашу взлётку. Я успел поставить свою машину на место по старому следу, а Аристо, загоняя назад, уперся

в ДЭСку. Это был полный залёт! И когда подъехал «бэтээр», из машины моего друга ещё шёл слабый дымок, выдавая нас с головой. Первым выпрыгнул из машины зампотех дивизиона майор Чижевский и что-то неразборчивое буркнул под нос своим сиплым голосом. Это его имел в виду Кожемяко, когда говорил об электрическом стуле Колывану. Видимо, нас издалека заметили наши офицеры. Отпираться было бесполезно. Селиванов с гневливым выражением лица шёл в нашу сторону. Следом за ним, осмотревшись по сторонам, осторожно, словно боясь спутать следы преступления, ступал Чакин. Чёрные, налитые злом глаза комбата поблёскивали антрацитовым огнём. Умел гневаться наш комбат, умел! Начинал он издалека. А затем разъярял себя, привлекая на наши головы все проклятия мира. Так было и в этот раз.

– Что случилось? Старший механик-водитель Полетаев, потрудитесь мне объяснить, что здесь произошло?

– Ничего особенного, товарищ капитан! Мы с рядовым Каракаловым произвели ремонт машин и проверили их на ходу!

– А разве вам кто-то разрешил заводить и выгонять машины?

– Никак нет!

– Так почему вы самовольно выгоняете машины? Это угон, товарищ рядовой! По вам дисбат плачет!

– Если машина завтра сломается, то за неё буду отвечать я. Поэтому, произведя ремонт, мы проверили машины на ходу.

– Товарищ комбат, – вступил в перепалку майор Чакин, – разве вы не знаете этого солдата? Это же – «начальник»-на! Он молодой был, на одно моё слово отвечал десятью своими, а ты хочешь его, когда он дедом стал, в угол зажать. Будь умнее, накажи его грамотно – присвой ему очередное звание «ефрейтор», как и полагается по штату старшему механику-водителю, и пусть он с этой «соплёй» домой едет. Да ещё и с такой же стрижкой.

Мы с Аристо, склонив головы, стояли навытяжку перед начальством, распинающим нас, на той самой взлётной полосе, где слегка были видны следы от гусениц наших машин. Чакин, закончив со мной, подошёл к Аристотелю. Дальнейшее его действие вызвало мой истеричный внутренний смех, который я едва сдерживал. Он достал из кармана платочек, аккуратно наложил его на два пальца правой руки – указательный и большой, и вцепился ими за большой греческий нос. Он несколько раз повел рукой из стороны в сторону, что Аристо вынес с великим терпением.

– И ты, грек, туда же! Куда люди – туда и Марья крива! Почтальон олимпийский! Как человеку ему машину доверили, а он! – Чакин брезгливо вытер руку платочком и поместил его снова в карман. – Берите тряпки, веники, и вперёд – драить всю взлётную полосу! Тебя, начальник-на, это тоже касается.

Нам принесли ребята ведро воды, тряпки, веники, и мы пошли делать бесполезную работу. А минут через десять на нашей взлётке показалась белая «Волга». Чакин тут же скомандовал построение, и мы вытянулись в две шеренги на краю бетонной полосы. Командир дивизиона словно чуял, что едет начальство авиации на разборки. Из «Волги» вылез ещё не старый седоватый генерал, по бокам его брюк шли широкие красные лампасы.

– Товарищ генерал, взвод зенитного дивизиона построен. Командир дивизиона майор Чакин!

– Вольно! – скомандовал генерал. С невозмутимым спокойствием он оглядел строй. – Отрабатываете навыки ведения боя?

– Так точно, товарищ генерал!

– Значит, наши самолёты пошли вам на пользу!

– Так точно! – Чакин вытянулся в струнку перед большим начальником.

– Одно дело делаем, товарищи. Родину защищаем каждый на своём рубеже.

Желаю вам удачи! – генерал приставил руку к козырьку и вернулся к машине.

Чакин расплылся в улыбке, ошарашенный столь приятным знакомством. Ожидаемого конфликта не случилось, и по этому радостному поводу нас всех отпустили отдыхать. Нам с Аристо была лана «амнистия», мы облегчённо вздохнули и поплелись на ужин.

И СНОВА ТАТРЫ. СТАРЛЕЙ БАРАНОВ. «КАРТОФЕЛЬНАЯ ДАМА»

После Всеборжиц дивизион снова отправился в Татры. По традиции зенитчиков, прибывающих сюда в последний раз, мы везли с собой хорошо спрятанный дембельский щит, на котором были написаны крупным шрифтом фамилии дембелей нашего взвода «Шилок». Напротив каждой фамилии – город, откуда он прибыл. Мой земляк Игорь Чепелев, имеющий красивый почерк, оформил наше «произведение искусства».

Это лето было дождливым. По утрам не хотелось бежать на зарядку по морозящей погоде. Как-то раз мы, несколько «дедов» дивизиона, забежав под навес, ожидали прекращения дождя. Все были одеты по форме номер два – голый торс. Нас заметил офицер второй батареи старший лейтенант Баранов. Он недавно вернулся из Афгана, службу нёс в зенитно-ракетном полку. Наш капитан Сафонов, служивший в Кандагаре в пехоте, почему-то его тоже недолюбливал, как и майора Чижевского, нашего третьего «афганца». Баранов сам признавался, что мало был «на боевых» и за два года стал свидетелем только одной гибели солдата из своего подразделения, который попытался отстреливаться от «духов» из зенитной установки, расположенной на грузовике, но попал под пулемётную очередь. Во второй батарее подчинённые тоже относились к этому офицеру с прохладой – не было в нем человеческой теплоты. Как ни странно для «афганцев», привыкших частенько обходить «букву закона», его душу грел один только устав, других подходов к его сердцу не существовало.

– А вы что здесь спрятались, товарищи солдаты? – возмутился Баранов.

С его фуражки стекали струйки проливного дождя, но он не обращал внимания на разбушевавшуюся стихию.

– Так ведь дождь, товарищ старший лейтенант, – улыбаясь, ответил азербайджанец Зафар, тот самый, которому залетный генерал обещал отпуск за косьбу травы.

Наш «неудавшийся отпускник» пытался придать разговору юмористический оттенок. Но старший лейтенант был не из тех, с кем можно было шутить.

– А вы – из сахара, что ли, рядовой Магомедов? Боитесь растаять?

– Никак нет! Я ничего не боюсь.

Старший лейтенант миндальничать с нами не собирался. С жёстким выражением лица он продолжал:

– Вы, товарищ Магомедов, даже обычного дождя боитесь. А мужчины дождя не боятся! Отсюда делаем вывод, что вы – не мужчина, товарищ Магомедов! – логически заключил Баранов. Этот рядовой был его непосредственным подчинённым.

– Я – мужчина! – выкрикнул недовольный Зафар и, стремительно выскочив под дождь, помчался по лесной тропе.

Мы рванули следом – никто не рисковал связываться с таким офицером, использующим «удары ниже пояса».

В один из дней узбек Саша, который не был «привязан» ни к одному из экипажей, празднично шатался по территории «дембельского» леса, дойдя до нижней его окраины. За ней стояла небольшая словацкая деревня. Возле одного из домов он заметил красивую молоденькую словачку, что сидела на скамейке вместе с родителями во дворе. Он стал изъясняться с ними на смешанном языке слов и жестов. Приложив руку к сердцу, выразил, что влюблён в красавицу с первого взгляда. Предложил ей выйти за него замуж и уехать с ним в Узбекистан. Родители сказали, что согласны, если он останется жить здесь. Он им показал, раскинув руки, крылья самолёта, что означало – здесь он не останется, но готов её забрать с собой. Они дали понять, что девочку никуда не отпустят. С удовольствием Саша рассказал нам, что чуть было не женился.

Стрельбы проходили отлично. Лазько, Кожемяко, Гайдамаков были уже специалистами высшей пробы и не могли завалить дембельские стрельбы. Тут уж они показали, на что способны. Без сбоев прошла даже «зеркальная стрельба». Майор Чакин ходил довольный, с улыбкой на всё лицо, весь его вид говорил о значимости его обладателя. Комбат Селиванов – растопорщив усы, поблёскивая антрацитами глаз. Он подозрительно долгое для него время находился в хорошем настроении. Всё шло как по маслу, без залётов и происшествий. В самом конце нашего пребывания в Татрах большую часть дивизиона направили на один день на работы в какое-то крестьянское хозяйство. Чакин пояснил это тем, что СССР компенсирует Чехословакии материально за то, что мы гусеничной техникой портим асфальтное покрытие дорог. И мы, солдаты, по мере своих возможностей, тоже должны вносить свою лепту в общее дело. С самого утра и до обеда мы плелись с вёдрами за картофелеуборочной машиной и собирали ту мелочь, которую не смогла поднять техника. Поле было огромным, и казалось, что не будет конца этой работе, где каждый шаг приходилось нагибаться. Даже мне, деревенскому человеку, пусть и немного отвыкшему от крестьянской работы, это занятие казалось трудоёмким. В обед нас повели в столовую, где крепкие мужики-словаки брали неполную тарелку супа и второго, тонкий кусочек хлеба и этим пресыщались. Нас такой мизер не устраивал. Мы просили, чтобы нам набирали тарелки до краёв и в довесок дали на всех несколько батончиков чёрного хлеба с тмином. С обеда мы работали на предприятии, где сортировалась картошка. По жёлобу она скатывалась в подвал, где мы наполняли мешки, а затем тележками увозили на склад. Улыбчивый пожилой словак, с которым я работал, обладал хорошим чувством юмора и, по всему видно, был любителем женского пола. Когда симпатичная, лет двадцати пяти, словачка, что работала тут же на «Каре», подошла к нам, мой пожилой напарник показал мне на неё: «Мешок оставь мне, а её грузы на свою тележку и вези в тёмный уголок!» Она

всё это слышала. И когда красавица улыбнулась, я был ошпарен её улыбкой – у неё не хватало зубов в верхнем ряду. Я растерянно улыбнулся, схватил мешок картошки и повёз его в дальний угол. Был я тогда скромным парнем и смущался при виде красавиц. В тот вечер несколько молоденьких словачек ехало с этих работ с нами на маршрутном автобусе. Они были весёлыми и улыбочивыми, не как та «картофельная дама». А я бросал в их сторону робкий взгляд и стеснялся перекинуться с ними словом. Впрочем, такими было большинство из нас матёрых дембелей. Мы все отвыкли от женского общества. Но нас уже пьянил воздух свободы! Мы уже чувствовали вольный ураганный ветер нашего дембеля! Скоро, скоро-о-о!

Добавлю два слова о словаках. Это замечательный народ, который радушно к нам относился. Красивые женщины. Самые тёплые чувства остались о Словакии.

Дембельский щит мы прибили на ближайшей сосне. Аристо не доверил такое ответственное дело молодым, сам забрался на дерево. И теперь выше всех дощечек и железных листов, выцветших от времени, где уже едва читались фамилии, красовался наш свеженький дембельский щит. Долгожданный!

И вот наступил тот день, когда пришлось прощаться с друзьями, которых я здесь обрёл, и с теми, кто прошёл со мной от первого дня в армии – из далёкой казахстанской учебки. С чеченцем Кампашем, лезгином Рустамом, кабардинцем Гирокой, Юркой-Одессой, туляком Пашей и другими ребятами. Мы прощались с этими казармами, стоящими в горах, с лесными тропами, по которым мы бегали на зарядку, с этим сосновым лесом, увешанным дембельскими щитами. Прощайте, Татры! Прощай, Кежморок! Наверное, навсегда!

УЧЕНИЯ ЦГВ НА ЛИБАВЕ

Всего несколько дней пробыли мы в полку, и вскоре нас подняли по тревоге и, построив в колонну, повели на учения Центральной группы войск, в которых были задействованы крупные соединения. Сначала шли своим ходом на станцию погрузки, а затем в эшелоне ехали снова на восток, в Моравию. Разгружались где-то в районе Оломоуца. Офицеры говорили, что именно этот город отличился в печальных событиях 1968 года.

Одно я знал точно со слов Почуева, который говорил мне, молодому солдату: «Повезёт, если тебя минуют масштабные учения, которые проводят раз в два года. Иначе – вешалка!» Володя попал на них в первые месяцы службы и испытал всё это на своей шкуре. И вот прошло два года. Нам не повезло.

Наш пехотный полк втянулся в долину, выбирая позицию. Знакомо рычали двигатели сотен единиц боевой техники. Теперь для меня это не был устрашающий гул большого неведомого железного существа, которым мне поначалу казался этот рык, скрежет и гусеничный лязг. Это была не какофония неестественных звуков. Теперь мне слышался слаженный звук большого оркестра, грозная симфония, в которой отчетливей всего мне звучал мощный звук моей «Шилки». И вся эта музыка была предназначена для короткого концерта в случае войны – получаса боя. На большее наш, как и любой пехотный полк, не был рассчитан.

Ласково нас встретила Либава – ярким солнцем, теплом. Грязи было немного от недавних дождей, хотя говорили, что здесь глинистая почва, и она раскисает так, что не проехать. Но это было только в первый день. Обманула нас тишина.

Мы, как обычно, заняли позицию на возвышенности. Под нами лежала огромная котловина с небольшими буграми холмов, за которыми возвышался небольшой горный хребет. Нам посчастливилось отыскать старые окопы, в которые мы загнали свои «Шилки». Тем, кто не успел, пришлось копать новые ямы на своих позициях. Слева от нас стояла небольшая роща, где росла малина и дикий крыжовник, а справа расположилась пехота и танки. Кухня снова где-то потерялась и приехала только к вечеру, через четырнадцать часов после нашего прибытия сюда. Хорошо, что у нас были запасы «на чёрный день», мы подкрепились своим сухпаем. Первую ночь мы спали как убитые, расположившись на своих местах в машинах. Палаток не ставили, спать в них всё равно бы не получилось – нам завтра предстоял учебный день и подготовка к ночному бою, а утром, через день, нужно было выдвигаться в составе полка по сложному маршруту. Мотострелки поставили свои большие палатки, где пряталась от дождя пехота. Их было, как муравьёв в муравейнике.

Ночью дождь забарабанил по стеклу моего задраенного люка. Густая темень заглядывала в моё окно. Автомат АКСУ висел за креслом, пристёгнутый на креплениях к задней стенке. Под креслом лежали нунчаки, которые я всегда возил с собой. Ими я занимался каждую свободную минуту. Их мне, как и некоторые запчасти на машину, сделал на заказ земляк из ремроты Ворогушин Олег. Устав от долгого дня, я уснул в кресле, не раздеваясь, в своем чёрном комбинезоне. Утром, в четыре тридцать, постучали в крышку люка. Это наш взводный, лейтенант Лиманов поднимал нас на утреннее построение. После ночного ливня развезло дорогу, на которой нас построил комбат Селиванов, отдавая распоряжения. Стало прохладно. Всю долину заволокло туманом. Наскоро мы подкрепились баночной кашей и колонной отправились по запланированному маршруту. Шли «по-походному», с открытым люком. Иногда куски грязи залетали прямо ко мне в кабину. Запомнился сложный подъём в гору по серпантину. Танки и боевые машины пехоты, имеющие высокий клиренс, легко проходили в глубокой дорожной колее. Я же слышал, как скребёт брюхом моя машина, пробираясь вверх. На одном из поворотов «Шилка» упёрлась днищем в какое-то препятствие и застряла, бесполезно елозя гусеницами. Я спросил по внутренней связи у командира машины, далеко ли за мной остановилась следующая броня, сдал назад и на скорости едва прошёл этот участок. Метрах в двадцати я остановился, чтобы в случае чего тросом зацепить машину Аристотеля. Он поднялся сам, но не с первой попытки. Мне пришлось сесть за рычаги третьей «Шилки», чтобы пройти сложный участок. Да, это было тяжёлое испытание. Мы вернулись на свои позиции, пообедали, и нас, механиков-водителей «Шилок» и «Стрел-10», погрузили на БМП и повезли по маршруту, которым предстояло завтра ехать. Две боевых машины пехоты шли одна за другой – Леуха первым, вслед за ним Зафар. Мы сидели прямо на броне вместе с офицерами, что показывали дорогу. Я сверху наблюдал, как легко управляет машиной Валера Леухин. За штурвалом он еще успевал шутить.

– Нам бы вашу лёгкость, – не без чувства зависти заметил я. – БМП рядом с «Шилкой» – это что легковушка рядом с грузовиком. Не думал, что так мягко идёт БМП.

Действительно, БМП гораздо легче в управлении, идет быстрее и мягче нашей «Шилки». Когда мы подъехали к первой луже и Леуха аккуратно в неё

въехал, машина погрузилась в хлябь больше чем наполовину. Вторая яма оказалась гораздо глубже. И когда в нее мы заскочили на скорости, то зачерпнули грязь на броню.

– Вот это да! «Шилки» здесь утонут, – мне стало жутковато от предстоящего похода, ведь люк механика-водителя на ЗСУ-23-4 находится гораздо ниже, чем на БМП.

– Главное не заглохнуть! Заехал в лужу и газуй, – посоветовал Леуха, – а то и вытащить не успеем, будешь как в подводной лодке сидеть.

Ночью начались стрельбы. Я впервые присутствовал на таком грандиозном представлении. Мы находились в обустроенном окопе. Работал двигатель. Люк был задраен, но приподнята крышка на лобовом окне, в которое я наблюдал за стрельбой. «Шилку» покачивало, когда она выпускала горячие гроздья. Всё пространство освещалось разноцветными снарядами, пулями. Справа от нас тяжело ухал танк, его заряд вздымал из земли в километре от нас зеленоватое облако. Трещали боевые машины пехоты. Гулко работали САУ. Всё стреляло и кипело. Я же достал приготовленную банку каши и съел, а затем, откинув спинку сиденья, задремал под мерное рычание двигателя. От меня в этом бою больше ничего не зависело.

Утром мы отправились в обратный путь. Я договорился с экипажем, что когда буду заныривать в лужи, то кто-нибудь из башни будет спускаться и тряпкой протирать мне стекло. То же самое должны были проделывать и на других машинах, чтобы не останавливать движение колонны. Раз семь или восемь протирали мне окно после каждой глубокой лужи. Иногда лишь маленький чистый клочок в стекле был моим единственным просветом, в который я глядел, как в дверной глазок, и вёл машину. Жуткое ощущение распирало меня, когда машина почти по самую башню уходила в мутную воду, а я находился в полной темноте. В этот момент нужно было давить на газ, чтобы инжектор не хлебнул воды и двигатель не заглох. Но, слава Богу, всё обошлось. Остались только воспоминания об этом испытании, о той глухой дороге на Либаве.

Снова светило яркое солнце, словно и не было непогоды. Либавя, как строптивая изменчивая женщина, показала свой характер. Перед отправкой с полигона нас построили и объявили о результатах стрельб. Мы снова отстрелялись «отлично». Погрузились на платформы, миновали Оломоуц и поехали на запад, в родной полк. Нам радостно махали руками чехи, наши «камрады», почти на всех остановках нам давали воду и мирно с нами разговаривали. Плохого вспомнить нечего.

Не доехав до станции разгрузки метров двести, наш вагон сошёл с рельсов и накренился. Состав не пострадал. Командир дивизиона Чакин отдавал эмоциональные приказы, хотя и без него не было паники, мы самоорганизовались и покинули вагон. Это случилось в конце сентября, за пять дней до приказа министра обороны о нашем увольнении.

ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ. НАШЕСТВИЕ КРЫС

Наконец-то случилось это долгожданное чудо – вышел приказ о нашей демобилизации. Аристо первым добыл драгоценную газету с важной для нас заметкой. Посреди казармы на взлётке был поставлен табурет, на который загнали молодого бойца и дали ему в руки последний номер. Тот стоял во весь рост, возвышаясь

над всеми. Начал читать, но свежеиспеченным дембелям не понравилась его робость, требовали:

– Громче читай!

– Ты что там мямлишь! Не на похоронах!

– Громко и ясно читай, чтобы в другом конце казармы слышно было!

«Молодой» стал читать отчётливо и громко. Дембеля примолкли и с волнением слушали радостную весть, а потом, обнимаясь, стали поздравлять друг друга. Присолдатика забыли, он так и стоял живым памятником на деревянном постаменте, опасливо взирая сверху на чужой праздник.

– Слезай, глашатай, а то понравилось, наверно, – Пашка Реус из второй батареи наконец-то заметил паренька, – и табурет на место унеси.

С этого дня мы уже должны были перестраиваться на гражданский лад, постепенно отбрасывая все «дедовские» замашки. Больше времени теперь отводили подготовке дембельской формы. На железные щётки была очередь. Ими начёсывали шинели, которые должны были поверх обычного материала иметь лёгкий пух. Даже хлястик должен быть начёсан, а шинель ушита по фигуре и отутюжена. Пуговицы должны быть новыми и одного оттенка. Шапка размачивалась и натягивалась на трёхлитровую банку, чтобы быть выше. В таком положении и высыхала она, обретая новую форму. Ботинки в сотый раз начищались до блеска. Каблуки аккуратно подрезались по краям, чтобы их вид не бросался в глаза и никто не мог обвинить, что обувь «неуставная». Ремень должен быть непременно кожаный, он добывался заранее, сразу после чемодана и гвардейского значка, который должен быть с чисто-белым полем и «непокоцанный» – без точек и раковин. С ремнём из кожзаменителя нормальный дембель не мог себе позволить увольняться, это было ниже его достоинства. Бляха слегка загнута и должна блестеть так, чтобы луч солнца, отражённый в ней, ослепил глаза встречному. Значки на парадной форме – «гвардия», «классность» – желательны первая и «отличник СА». С левой стороны – комсомольский значок, медалей мы не заслужили.

По приезду из Татр мы вдруг обнаружили, что нашу казарму оккупировали крысы. Эти наглые существа при нашем появлении удалились в подполье, откуда вылезали по ночам и носились по казарме абсолютно безнаказанно. Дневальный, стоя у тумбочки, целую ночь то и дело кидал по крысам вдоль пола штык-нож или палку, словно играл в «баталки». Иногда удавалось убить крысу, иногда ранить, тогда она с писком уносилась в темноту спального помещения, оставляя кровавый след. Ночью, даже устав от дневной суеты, мы просыпались от шороха за паровой трубой, идущей вдоль стены, где бегали крысы. Кожемяко назвал это место «скоростной трассой». Возле моей кровати крысы прогрызли в полу дырку, словно он был не из дерева, а из прессованных опилок. Ночами, словно бойцы диверсионной группы, они выбирались из подполья. Однажды я начёсывал шинель в своем закутке и решил заткнуть железную щётку в эту дыру. Утром я не обнаружил проволочных зубьев, сгрызенных под корень, осталась одна деревянная ручка. С этой поры никто не оставлял внизу ценных вещей, всё подвешивали. Дембеля стали переживать за свое обмундирование, ведь шансы достать другую шинель или парадку перед самым дембелем были мизерными. Это крысиное нашествие легко объяснялось соседством со столовой. Видимо, их там потравили, и они перебрались к нам, откуда вели свои вылазки и в столовую,

и на мусорку, что стояла неподалеку. Дошло до того, что крысы стали забираться на кровати. Один раз Генка Ногтев проснулся оттого, что по подушке, задев его голову хвостом, пробежала большая крыса. Какой-никакой, а всё же дембель! Никакого уважения к Генке они не проявляли. Ни к Кожемяке, ни к Гайдамакову крысы не забирались. Даже днём, когда в казарме никого не было, эти всеядные грызуны оставляли свои следы только на кровати Ногтева. С некоторых пор житьё на втором ярусе стало цениться больше, чем на «привилегированном» первом.

На каждом спортивном празднике, что проходил в очередное воскресенье, мы принимали самое активное участие. Если в беге – четыре по сто – мы уступали пехоте и разведке, то в перетягивании каната мы никому проигрывать не собирались. Был у нас во второй батарее высокий крепкий молдаванин Володя Гладун. Был он младше призывом. Всегда весёлый, жизнерадостный и уважительный паренёк. Именно ему и принадлежит мастерская техника перетягивания каната. Так как это коллективное состязание, то и упор делался на дружную команду, способную в едином порыве выполнять задачу. Тактика Володи была построена на выматывании сил противника. Вряд ли мы смогли бы противостоять крепким разведчикам, каждый из которых был заметно мощнее нас, если бы не одна большая хитрость Гладуна. Он брал руководство на себя и подавал всего две команды: «И раз!», «И-и-и два!» Володя вставал в самом конце, обвинял вокруг пояса канат и, имея зычный голос, кричал во всю глотку команды. Гладун нам, мечтавшим вырвать победу у разведки, чётко объяснял:

– В самом начале, когда чужая команда проявляет свою бешеную дурь, мы делаем гораздо умнее... На счёт «И раз!» мы все одновременно почти ложимся спиной на землю и сильно упираемся ногами. Никто не дёргает канат и не тянет, расходуя свою силу. Мы просто упираемся и ждём, когда «бобик издохнет». Противник по отдельности страшно силён, и каждый пытается дёрнуть канат во всю силу. Но ты попробуй вразнобой сдвинуть с места массу в полтонны, упирающуюся ногами! Через минуту такого дёрганья они теряют силу, и я подаю команду «И-и-и два!» Одновременно, одним порывом, мы срываем с места уставшего соперника и вытаскиваем его на свою территорию.

Эта отлаженная тактика действовала против любой самой мощной команды. В том числе и разведки. А зычный голос Гладуна и наши слаженные действия психически влияли на нашего соперника. Мы больше никому не проигрывали «канаты».

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

Это письмо было найдено в нашем полку, когда разваливали старую деревянную казарму. Каким-то образом оно оказалось в моих руках. Я сохранил его и привожу целиком:

«Послание в будущее!!!

Товарищи, камрады, судруги. Мы стали невольными ремонтниками этого мрачного «барака». Но всё-таки мы оставляем потомкам это маленькое письмо. Оно адресовано служакам будущего. Пройдёт много лет, много утечёт воды и много уйдёт домой дембелей, и вот однажды вы всё-таки найдёте его. Помните и никогда не забывайте тех, кто был первым на этом рубеже. Помните тех, кто с

оружием в руках боролся ... (слова стёрлись) ...иво. Вам служить в этой стране. Боролся в 1968 не на жизнь, а на смерть. Сейчас нас осталось всего четыре. Мы должны за короткий срок отремонтировать это здание. Из десяти всего четыре. Нам одним досталось право на жизнь. Помните нас! МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ. Сёмкин П. С. – Кривой Рог. Чуб А. А. – Полтава. Зиргизов Ф. Г. – БАССР. Смирнов А. В. – Кострома. ДМБ 68–70».

БОЛЕЗНЬ. ОПЯТЬ ТРЕВОГА. ГОСПИТАЛЬ В ДЕЧИНЕ

В середине октября у меня появились головные боли. Сначала я старался не замечать их, думая, что пройдет, но боль в районе переносицы с каждым днём становилась всё сильнее. И наступил один из тяжёлых вечеров, когда я окончательно свалился и не смог выйти на поверку. Я лежал на кровати в своем углу, забравшись с головой под одеяло. Во рту – угол простыни, чтобы не ныть от боли и не скрипеть зубами. Молча мусолил, грыз этот кляп, пересиливая отведённое мне страдание. Боль терзала меня, не отпуская. Словно ядовитый шершень устроил гнездо в моей черепной коробке и беспокойно ворочался в ней. Пока дивизион стоял на поверке и лейтенант Лиманов выкликал фамилии, одинокая крыса-разведчица пробежала вдоль трубы отопления. Я хорошо слышал шорох за тумбочкой и лёгкий топот её лапок по деревянному полу. Вскоре она вернулась, забралась в мою тумбочку и стала съедать пайку, принесённую с ужина молодыми. Меня вот так же съедала моя ненасытная боль. Я ночь не спал, лишь на время проваливался в забытьё и просыпался от боли. Утром мне стало легче. Я не ходил на завтрак, а отправился в медпункт. Но уехать в госпиталь не получилось потому, что машина была переполнена. Видимо, моё место занял комсорг батальона, который весело смеялся, отшучивался, совершенно не выказывая даже намёка на болезнь. Это был такой же баламут, как и наш москвич, комсорг дивизиона Кондратьев. Я вернулся в казарму, и снова потянулся утомительный бесконечный день. Вечером, после отбоя, Лазько в своем закутке начёсывал железной щёткой шинель. Лейтенант Лиманов, проходя по коридору, сделал замечание Николаю, и тот, недовольный, что его согнали с места, поковылял с шинелью в каптёрку.

Офицер подошел ко мне и, наклонившись, спросил:

– Полетаев, тебе говорили, что утром будет тревога?

– Да!

– Сможешь?

– Я постараюсь.

Лейтенант ушёл. Ночной красный свет горел в коридоре. Казарма погружалась в сон. Крысы зашевелились по всем углам, подбирая редкие крохи, хозяйничая в тумбочках. Дневальный, похоже, дремал – это я понял по тому, что никто не бросал палок в крыс, нагло разгуливающих по коридору. И тут снова ядовитый шершень заворочался в моей больной голове. Лишь под утро я немного задремал и проснулся, услышав оживление в казарме. Но перед этим в коридоре слышались одинокие шаги и сиплый голос офицера – это зампотех дивизиона майор Чижевский пришёл незадолго до подъёма. Старослужащие уже не спали, они оделись и снова легли под свои одеяла – так проще встречать тревогу. Вскоре слышался шум и голос в селекторе. У тумбочки оживились.

Дежурный по дивизиону сержант Калапунь принял указания и громко крикнул:
– Дивизион, подъём! Тревога! Получить оружие!

Старослужащие вставали не торопясь, а молодые спрыгивали с коек полусонные, наспех одевались и бежали к оружейке со спящими ещё глазами. Это они создавали суетливую реальность событий в глазах пришедших офицеров, потому как старые мудрые воины спокойно поднимались уже одетые со своих кроватей. Я зашёл в оружейную комнату вторым, после Ивана Колопуня. В обязанности старшего механика-водителя входило: раздать оружие механикам своего взвода, организованно привести их в парк боевых машин, подготовить технику к движению, с появлением первого офицера завести двигатели машин и выгнать их из боксов.

Чувствовалась слабость во всём теле, ведь я несколько дней почти не ел. Да ещё этот ядовитый шершень в голове снова зашевелился, словно его потревожили в своём гнезде. Мы, четыре механика-водителя «Шилок», бежали по полку, за нами механики БМП и «Стрел-10». Такие же мехводы выбегали из казарм пехоты и танкистов. От бега в голове появилась невыносимая боль.

Аристотель всё время присматривал за мной и теперь, заметив моё состояние, остановил меня:

– Артём, мы сами всё сделаем! Иди спокойно!

– Спасибо, Аристо!

Они побежали дальше, а я поплёлся вслед за ними. Вещмешок и автомат были в этот раз тяжёлыми, словно я нёс на себе непомерную тяжесть. Шершень боли не на шутку разбушевался в моей голове. Я уже подходил к воротам в парк, когда сзади послышался топот. Для меня сейчас было главным не попасть под дикую толпу пехоты, и я успел проскочить внутрь, когда началась давка у прохода. Успел пройти и тот, кто шёл за мной. Я сжимал рукой виски, словно этим можно было остановить боль, и глядел под ноги. Меня обогнал офицер в начищенных сапогах, который с кем-то сипло переговаривался. Это был Чижевский. Когда я подошёл к боксу, машины были уже заведены. Осталось только выгнать наружу. Появились офицеры. Майор Чакин неторопливо шествовал мимо техники и довольно улыбался, ведь мы одни из первых в полку вывели технику. Когда он был в хорошем настроении, как в этот раз, мы знали, что он обязательно что-нибудь весёленькое сморозит. Технику заглушили, и нас построили в две шеренги. «Серёга» прохаживался перед нами, склонив голову набок, как обычно, когда он что-то обдумывал.

– Ну, что сказать-то-на? – спросил он у самого себя. – Сказать-то и нечего-на!

После этой многозначительной речи я услышал, как посмеиваются все, даже молодые солдаты, над его перлами. Развеселил майор.

Аристо одёрнул меня за рукав:

– Нет, ты посмотри, даже этот «тормоз» смеётся, – он кивнул в сторону молодого механика Кандыбы, – ржёт, а машину свою сегодня завести не смог.

Значит, Аристотель сегодня все три машины заводил в одиночку.

Чакин обратился к офицерам:

– Сегодня даже некому «кислород передавать», боеготовность высокая. Я всё сказал. У вас, товарищи офицеры, есть что сказать? Товарищ начальник штаба? – он повернулся к Горелову. – Скажи что-нибудь, – и, отвернувшись от него, полушёпотом, – ты же любишь поговорить...

Снова раздался сдерживаемый смех, особенно во втором ряду, где стояли «деды». Начальник штаба несколько секунд по привычке усиленно работал желваками, сказал, что вроде всё хорошо, но есть одно замечание – кто-то не успел спрятать шинель внутри брони, и она осталась лежать снаружи.

Чакин снова прошептал громким шёпотом: «Сдалась она тебе, шинелка эта!» И во всеуслышание:

– Может, она просто лишняя! Солдат бежал-бежал-на, а потом взял и передумал носить шинелишку-на. Пусть мёрзнет, значит! У вас всё?

– Всё!

– Что зампотех скажет-на? Выдай всем сестрам по серьгам-на, майор!

Чижевский в раздумье сжал губы в трубочку, словно намеревался плюнуть. Сиплым голосом, которым, по словам острослова Кожемяки, только в отхожей «занято» кричать, выжал из груди:

– С каких пор это механики-водители перестали бегать по тревоге? Уже не полагается, что ли?

Чакин не мог понять, о ком идёт речь. Но мне понятно стало, что это он меня имеет в виду.

– Рядовой Полетаев!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть! – я вяло вышел из строя, едва поднимая ноги.

Чакин, увидев меня, заметил:

– А этот-на... Известный солдат, знаю его. Не промолчит лишний раз, ответит всегда что-нибудь эдакое... Молодой такой был, а что теперь с деда возьмёшь?

Из второго ряда поправили – «дембеля!»

– Тем более...

Чижевский не унимался:

– Я его на тревоге шагом обогнал!

– Может, ты слишком быстро ходишь, майор! – перевёл в шутку Чакин, опять рассмешив солдат, и махнул в мою сторону рукой, что означало «встать в строй».

Лейтенант Лиманов спросил разрешения и сказал, что я уже третий день не могу в госпиталь попасть.

– Вот видишь, зампотех, – обратился к Чижевскому командир дивизиона, – захандрил солдат-на, а ты его шпыняешь без дела. Машины первыми в полку выведены из бокса-на и построены в колонну-на. По пути шёл я и видел, что в других подразделениях ещё, как говорится, «конь не валялся». Тебе, майор, что ещё нужно? Пристал к солдатику-на... Пусть он спокойно на дембель едет-на. И ему хорошо, и нам!

Вот уж я не ожидал, что Чакин за меня заступится. Вскоре он подал команду «Отбой тревоги», что означало – загнать машины в бокс на своё место, после чего мы строем вернулись в казарму.

В этот день я снова не попал в госпиталь, потому что машина в медсанбат уезжала рано утром. И эти сутки я с трудом пережил. А на следующее утро со мной пошёл взводный Лиманов и жёстко поговорил с медиком, у которого сразу же нашлось для меня место.

В госпитале меня осмотрел врач и сказал, что это гайморит. В чистой соседней комнате меня усадили на стул. Я находился в том состоянии, когда от боли

«лезут на стены», и потому готов был уже на любую процедуру. Хирург смазал ваткой с раствором в глубине ноздри, сделал прокол и шприцом откачал гной. То же самое он проделал с другой ноздрей. Если бы не тот неприятный хруст прокалываемого хряща, то эта «операция» мне бы даже не запомнилась. Игла ещё торчала в носу, когда я заметил, что в дверную щель за мной наблюдают чьи-то глаза. Боком повернутое лицо, усеянное веснушками, показалось мне знакомым. Я подмигнул ему. Дверь закрылась. Хирург раствором из шприца промыл мне носовые пазухи и отпустил в палату. В синем больничном халате с армейскими печатями, совершенно не похожий на себя, стоял Пашка Реус из второй батареи.

– А ты как тут оказался? – спросил я у сослуживца.

– Да вот уж несколько дней с такой же бедой, как и у тебя. Прокол сделали, я без сознания свалился. А ты сидишь на стуле и ещё мне глазом подмаргиваешь! Ну, пойдем в палату.

– Место дембелю!

Пашка зашёл в комнату, чуть ли не пинком открыв дверь. Все знали, что он уже «сидит на чемоданах» и ждёт своего самолёта на родину. Теперь в моём лице добавился ещё один такой же «почти гражданский человек».

В палате нас находилось шесть человек. Пашка лежал на кровати у окна. Мне досталось место возле стены, в другом конце комнаты. Рядом со мной лежал крепкий паренёк, десантник Вася из Дечинской бригады. Местный. Он только год отслужил. Ещё одним «кандидатом» был прибалтиец, неразговорчивый, угрюмый парень. В соседних палатах были ребята из пехоты, из зенитно-ракетного полка, танкисты и прочие «гвардейцы». Молодых бойцов в нашей комнате не было. И потому раздухарившийся десантник искал жертву: кто-то должен был мыть пол в палате. Пашка Реус, как заправский «пахан», по-королевски лежал на самом хорошем месте у окна – недосягаемый в своем дембельском величии. Он уже, как говорится, шагнул одной ногой в гражданскую жизнь. И синий халат был ему к лицу, словно этот веснушчатый румяный парень только вышел из деревенской баньки. Мне тоже были уже неинтересны эти солдатские разборки: «деды», «слоны». Ведро, швабра и тряпка стояли у входа. Десантник Вася не унимался. Видимо, на правах «местного» или «десантника» – особого рода войск, в котором числился, он стал доставать новоиспеченного «деда» из танкового полка, который дал ему хорошую сдачу. Пришлось даже их разнимать. Отказался и другой «дедушка» из полка ЗРП. Полы пришлось мыть угрюмому прибалтийцу.

Я испытывал блаженство – уже не терзала боль, от которой освободил меня доктор. Первый раз за всю мою службу я вольготно валялся на мягкой кровати, в светлой комнате. Из окна нашего третьего этажа открывался чудесный вид – красивый замок напротив, а внизу, в небольшом пруду, плавали белые и чёрные лебеди. И всё это было залито ярким солнцем. Быть может, солнце мне показалось таким ослепительным оттого, что все эти предыдущие дни я не поднимал головы и жил в приглушённом свете. Теперь я ожил и вернулся к солнцу. Слава Богу!

Ежедневно мы с Пашей ходили к хирургу, который промывал нам раствором гайморовые пазухи. Молодые медсёстры делали нам уколы и давали таблетки. А после заката мы смотрели напротив в яркое окно замка, в котором каждый вечер веселились девчонки, и тешились мыслью, что через несколько недель будем дома. Уже на второй день я обнаружил, что на мансарде госпиталя имеются

гантели и спортивный станок. С той поры я часами пропадал в этом крохотном спортзале. Впервые за всю свою службу я расслабился и занимался чем хотел: валялся на кровати, тренировался, гулял по территории... Теперь над душой не стояли комбат Селиванов и зампотех дивизиона Чижевский.

Около недели длилось это счастье. Допоздна мы рассказывали случаи из своей совсем еще короткой жизни и мечтали о том, чем будем заниматься на гражданке. Ребята из разных родов войск говорили о «дедовщине» в своих подразделениях. Десантник Ваня поведал об одном десантнике, которого полгода назад перевели дослуживать в пехотный полк. Был он редкостный «пофигист». Парашют собирал как попало, запихает его, коленом прижмёт, и не боялся с ним прыгать. Да и на руку был не чист – любил поживиться чужим, не то шоколадную фабрику, не то кондитерскую обворовал. Что-то мне сильно напоминало одного моего сослуживца, и я спросил:

– Не Колыванов, случайно, фамилия?

– Колыванов, вроде Иваном звали...

ПОСЛЕДНЯЯ ШУТКА КОМБАТА. ДЕМБЕЛЬСКИЙ ПОВОРОТ. ДОМОЙ!

У штаба полка стали вывешивать списки фамилий демобилизованных солдат на самолеты, что улетают в Союз. Вечерами мы бегаем смотреть имена тех везуников, кому завтра домой. Но нам, механикам-водителям, торопиться некуда – мы, как обычно, последние улетаем. Ходим, завидуем чужому счастью.

Ночью, когда офицеры ушли из казармы, Гешка Ногтев пожарил картошку в «цинкаче» из-под патронов. Он же принёс от знакомого чеха несколько бутылок пива за деньги, что мы скинулись. И прямо на сдвоенной кровати организовали «застолье». В последний раз в такой компании. Завтра Серёга Кожемяко и Гайдамаков Эдик улетают. Жалко расставаться с Кожей и Эдиком, которому даже кличку не нашли за два года. Он так и остался Эдиком Гайдамаковым. Не прилипло к нему чего-либо проще, вроде как фамилия у него оказалась «никудаышной» для упрощения. Красный ночной свет горел в коридоре. Остатки недобитых крыс то и дело шуршали по углам. «Молодые» спали. Кандыба на втором ярусе над нами захрапел смачно, раскатисто.

– Ткни его, Аристо!

Аристо пошевелил Кандыбу, тот спросонья не поймёт, в чём дело. Культурно, как подобает каждому дембелю, который уже без пяти минут гражданский человек, Аристотель просит солдатика лечь набок. Тот поворачивается и на время затихает.

– Какой ты нежный стал, Аристо, сразу видно, домой собрался. Слона не шпыняешь, интеллигентничаешь с ним, – подкалывает Караколова Кожемяко.

– Только мы уйдём из казармы, этот тормоз уже кандидатом будет. К тому же старшим механиком-водителем, потому что кроме него некого ставить. Серьёзный человек будет.

– Пока я здесь, он ещё слон, – не унимается Кожемяко. – А ты, Аристо, как раз под ним сидишь, смотри, чтобы этот недоделанный кандидат тебе струю на голову не подпустил! Этот может!

Мы дружно смеёмся. Пиво нас, непривыкших к алкоголю, хмелит. Оно быстро заканчивается. Ложки скребут по дну, добирая зажарки. Душевно беседуем в последний раз, мечтаем, как будем жить на гражданке. Темы эти уже на сто раз пересказаны и переслушаны, только теперь уже не хочется отпускать друзей, с которыми пуд соли съели. Легли далеко за полночь, так и не наговорившись.

Утром первые дембеля нашего дивизиона вышли из казармы под радостный крик и посвист. Красавцы в начёсанных шинелях, в высоких шапках, с чемоданами в руках. Шли они не торопясь, изображая строй. Несколько офицеров сопровождало их до штаба, чтобы после смотра незаметно передать им чёрные погоны, какие должны быть у зенитчиков. Там мы попрощались, они погрузились в автобусы и поехали в Божий Дар.

Каждый день мы провожали дембелей. Уехали Коля Лазько и Тенгиз Шелия, Ноготь и Колыван, Лара, Козырь и все остальные. Из второй батареи одним из первых улетели на Украину Паша Реус и Бобров Володя. В Москву – Валера Леухин, в сторону Кавказа Зафар, так и не дождавшийся отпуска. Мы остались последними – Паргос, Аристо и я. Койки в казарме освобождались, будущие «кандидаты» перебирались со второго яруса на первый, освобождая свой «слонячий» ярус молодым. Служба шла своим чередом, батарея продолжала заступать в караул и в наряды по полку. Наши друзья, улетевшие домой, уже ели в кругу семьи домашние пельмени и праздновали возвращение из армии. А мы заступили в последний наряд. Этого мне уже не забыть. Комбат Селиванов, прохаживаясь перед строем, подошёл вплотную к нам и, растопорщив усы, с улыбкой объявил: «А вам, дембеля, наряд в свинарник!» И столько было нездоровой радости в его лице! Бедный комбат! Как мне его жаль! Нашёл, чем напугать дембеля! И вечером мы пошли в свой последний суточный наряд. Мы шли в свинарник дерзкие и злые, взвинченные комбатовской шуткой. Два «дедушки», поджидая новый наряд, сидели в тёплом закутке. Место это, конечно, запашистое, но тёплое. Не надо на морозе службу нести, крутить обмороженными пальцами болты на броне. Не надо ездить на учения и сутками дожидаться потерявшуюся кухню. И у своего начальника, прапорщика такого-то, при каждом забое можно выклянчить мяса или салца немного. Тепло и сытенько течёт здесь служба. Почти гражданский человек. А когда на дембель пойдёт, дома скажет, что служил в пехотном полку, гвардеец! И ему поверят. Только вот не котируется это место среди солдат. Это для ногтевых не зазорно. Или для этих двух «дедушек»-южан, которые и не должны были здесь находиться по религиозным запретам. Они и не собирались вставать, ожидая «молодых» в наряд. А мы были злые.

Я глянул на Самойлова:

– Паргос, рявкни, как ты умеешь!

Паргос раздвинул руки, словно собирался кого-то обнять.

– Встать, дембеля пришли! Где ваши лопаты? Схватили и побежали чистить до блеска всё, что надо почистить.

– А нам не полагается, мы – дедушки, – попытался сказать один из них.

– А нам тем более не полагается! – Паргос перевёл дыхание. – Где ваши лежанки? Полежим до отбоя и пойдём в казарму.

Бедные «дедушки», как они были опечалены нашим приходом! После отбоя мы вернулись в казарму, а утром, чтобы не встретиться с комбатом, пошли гулять по полку. Все мои земляки уже уехали, никого не осталось. Сходили в

парк боевых машин и попрощались со своими машинами. Я на прощание поцеловал свою «Шилочку», к которой прикипел за это время. Вечером в списке мы обнаружили свои фамилии. Партос и я летели на Челябинск, посадка в аэропорту Баландино. Аристо – в сторону Кавказа. Последняя ночь в казарме, почти бессонная, в ожидании нового дня. Утром 15 ноября 1987 года я покидал часть. Ровно два года назад я приехал в Отар, и вот пролетела моя служба. На прощание я собрал в казарме земляков, обнял каждого: «Не вешайте нос, ребята! Дембель неизбежен, как крах империализма! Служите достойно!» Под общие возгласы, пожелания и свист уходили мы, последние дембеля зенитки. Самые порядочные офицеры – лейтенант Лиманов и замполит Сафонов провожали нас на общий смотр. Чёрные погоны замполит передал нам после смотра, и мы поехали на аэродром Божий Дар. Прощайте, Закупи, и всё, что с вами связано! Сначала мы ехали по знакомой дороге, изъезженной мной неоднократно на «Шилке», а потом повернули в сторону аэродрома, мимо Дембельского поворота. Его называли так в честь разбившихся здесь в 1984 году дембелей, так же, как мы, ехавших домой. Нас и наши вещи осматривали ещё пару раз. Встретил я и земляка Корчагина Толика, к которому я однажды после отбоя пришёл в часть ЗРП, что стояла неподалеку от нашего учебного лагеря Всеборжиц. С ним мы и добирались домой. Челябинск. Новосибирск. В поезде, заметив наши импортные чемоданы, к нам приставали проводники с просьбой что-нибудь им продать. Один держал в руках пачку червонцев и торговался. Когда я открыл чемодан, свой клад с заморским чудом, у вагоновожатого загорелись глаза. Я продал ему какую-то мелочь, чтобы нам хватило денег доехать до дома, и защёлкнул на замки своё добро. В Новосибирске на вокзале – куча дембелей со всех сторон. Горсткой земляков дружно пробиваемся сквозь толпу у кассы. Усть-Каменогорск. Двадцать первое ноября – автобус на Самарку. Морозище зашкаливает, минус пятьдесят один. В тот же день, стоило нам уехать, была обнаружена трещина в мосту через Ульбу, и закрыли через него проезд. В Самарке успеваю на последний рейс до Ново-Тимофеевки. Захожу домой, пригнувшись под дверным косяком. Отец стоит ко мне спиной и смотрит в ночное окно палисадника. Он поворачивается, и мы, счастливые, обнимаемся. Я звоню матери на работу, и вскоре она прибегает, раздурманенная с мороза.

– Здравствуй, Мама! Я вернулся!

ПОСТСКРИПТУМ

Возвращение домой со службы – это самая яркая встреча с близкими людьми. Незабываемая.

Несколько слов о тех, с кем служил.

Вскоре после моего отъезда из части умер от сердечного приступа мой земляк Нурик – Нажипов Нурудин, что призывался из-под Алма-Аты.

О нем я узнал от Валеры Леухина, когда заезжал к нему в гости в Москве. Он работал в советско-югославской фирме водителем. В Москве мы отыскивали Кожемяку Сергея и Аристотеля Каракалова, который поступил в Горный институт. Его комната в общежитии была пуста, сказали, что Аристо уехал в Белгород. Но он любил кошек и вернулся из-за любимой Мурки, которая осталась запертой в комнате. Он появился именно в тот момент, когда мы уже пошли к выходу. Так мы

и встретились. А через много лет Аристо уехал в Грецию, вернув себе фамилию предков – Каракалиди. Потом он снова возвратился на родину жены в Белгород, где работал инженером на комбинате. В ту пору и произошел наш последний разговор, Аристо планировал вернуться обратно в Грецию. Кожемяко одно время работал таксистом в Москве. Часто и надолго он уезжал в родную деревню на Брянщине. И вскоре следы моих армейских друзей потерялись.

Юрка Краснобаев, что попал из Отара служить в десантуру в Актогае, всю жизнь прожил на родине, в Риддере (Лениногорске). Мы с ним до сих пор общаемся.

Владислав Кученёв, мой армейский «ангел-хранитель», проживает в Германии, в Нюрнберге. На мое письмоцо в интернете он не ответил, а я настаивать не стал.

Ворогушин Олег, старшина из ремроты, который всегда меня выручал, одно время работал водителем скорой помощи в родном Зыряновске, а потом уехал на заработки на север, где и затерялся его след.

Закиров Кайрат, мой одноклассник, что служил в спортроте, живёт в Восточном Казахстане, и мы иногда встречаемся.

Бесекин Максат из автороты умер, когда ему было лет сорок. Он вернулся в родное село из Алма-Аты. Говорили, что после бани у него остановилось сердце.

С Бакимбаевым Бекбулатом мы были особенно близки. Благодаря встрече с ним в Усть-Каменогорске я решил поступать в институт. Учились мы вместе, только на разных факультетах. Ему было около тридцати, когда он погиб в авткатастрофе у посёлка Молодежный под Усть-Каменогорском. У него остались две дочки-близняшки.

Долгие лета вам, мои сослуживцы!

Светлая память вам, мои ушедшие дорогие друзья!

1987–1988 г., 2020–2022 г.

